

Владимир Балашов

Белые туманы Тимптона

Дневник экспедиции

Предложение поехать в Якутию на изыскания для новой гидростанции было для меня неожиданным, поскольку к этому времени я уже несколько лет находился на пенсии. Кроме того, нигде в СМИ не попадалась на глаза информация об этой проектируемой ГЭС. Хотя, если разобраться, лишь о строящихся гидростанциях много пишут издания всех уровней, а о начальных изысканиях, как правило, и местные-то журналисты мало что знают. Вот и не мудрено, что я узнал о ней только «по случаю», ибо где наши Саяны — и где далёкая Якутия.

В прежние времена любая экспедиция формировалась основательно: пока возводилась база изыскателей, коллектив специалистов всех профилей тщательно подбирался из других, разбросанных по стране, подразделений института «Гидропроект». Желающих поработать на новом объекте всегда было предостаточно, и, как правило, они прибывали со своими приборами и оборудованием. Теперь же старые традиции порушил вахтовый метод, да и преемственность практически утрачена, так что собирают специалистов «с миру по нитке». К примеру, я и Юра Спиридонов из почти вымершей когорты профессиональных гидроизыскателей — существовала когда-то такая достаточно распространённая и в определённой мере элитная профессия. Теперь мы уже старая гвардия: именно по возрасту, но, конечно же, не по опыту. Поэтому поездом везём с собой с Саян всё необходимое для работы: и геодезические приборы, и ноутбуки, и навигаторы, и рации, да и остальную походную амуницию с расчётом на весь летний сезон. На месте нам гарантированы только фронт работ и два помощника из Санкт-Петербурга...

Только вертолётom можно долететь

Что остаётся после человека на Земле? Приято считать, что, в первую очередь, память о нём. Но как долго будет жить людская память: тысячелетия, века или всего лишь годы? И кто должен помнить: всё благодарное человечество, ученики, коллеги, друзья, близкие родственники? Наверное, самое важное всё-таки — это память

детей, которые сменят его на нашей планете? Только вот возможные недоработки в детском воспитании — это как брак, который никогда не ценится, и признательность потомков значима лишь в том случае, если они станут лучше нас. Так что как ни крути, а запомнится и то, что ты сделал полезного для ближайшего окружения, и то, что для всего человечества. Масштабы, конечно, несравнимые, но в памяти людской одинаково значимые...

Мой спутник и коллега по профессии Юра Спиридонов по этой железнодорожной трассе едет не впервой, поэтому достопримечательности за окном знает хорошо и охотно делится познаниями. Однако разговор вертится больше вокруг Якутии, куда устремлены, как писали в передовицах газет нашей молодости, наши «трудовой порыв и душ высокое стремление». Я-то в Якутию еду впервые, и над этими территориями прежде довелось пролетать лишь в самолёте. У него же ещё свежи воспоминания трёхлетней давности об изысканиях на реке Тимптон, да и более ранние — когда он работал в экспедиции на Виллойской ГЭС, а потом на изысканиях по притоку Виллоя реке Черко.

И вот, в очередной раз за долгую изыскательскую деятельность, мне приходится пересекать значительную часть нашей бескрайней страны. Причём теперь это можно сделать после Тайшета не только по Транссибу, но и по БАМу. И, в зависимости от этого, дальнейший путь по Амурско-Якутской магистрали продолжится либо из Тынды, либо из Сковородино. Название конечного пункта командировки — Чульман — мне ни о чём не говорит, а вот город Нерюнгри, который расположен по соседству, всегда был на слуху. Не столько из-за его местоположения в Республике Саха, сколько из-за звучного названия. В переводе с эвенкийского оно якобы означает «река множества хариусов». Вообще-то Нерюнгри — ровесник нашего родного Саяногорска, то есть в статусе города очень молод. Но, по большому счёту, если сравнивать названия, то и «Саяногорск» звучит очень даже неплохо.

Мы с Юрой можем считать себя коренными саяногорцами, поскольку город строился на наших глазах и не без нашего участия. И если я всё-таки бывший ленинградец, то Юра даже родился

в горняцком посёлке Майна, который теперь входит в состав Саяногорска. А в общем, не так уж и важно, где ты родился, ведь зачастую случай совершает в человеческой судьбе неожиданные повороты. Так, свою изыскательскую деятельность Юра начал в удалённой экспедиции за баранкой УАЗа. А потом, вернувшись домой, так бы и продолжил, наверное, трудиться шофёром — но в Саянской комплексной изыскательской экспедиции номер семь «Ленгидропроекта», что базировалась в родном посёлке Майна, не оказалось вакансий. Зато требовались рабочие в топографическую партию. Не берусь судить, какого высококлассного водителя потеряла экспедиция, ибо во всём Юра доходил до высочайшего профессионализма, но геодезия неожиданно приобрела воистину уникального специалиста. Не сразу, конечно, ибо, многому научившись у коллег, недостающие знания он приобрёл уже на курсах техников-топографов-геодезистов в Ленинграде. А дальше, как утверждается в известной шутке, среднее образование зачастую лучше высшего образования. Действительно, в средней школе мы получаем одинаковые знания, а вот дальнейший рост — это уже личное дело каждого. Так и Юра в области производства и обработки высокоточных геодезических измерений вскоре сумел превзойти многих опытных инженеров. Да и в области прикладной геодезии тоже. Недаром поучаствовал даже в разработке сложной отечественной геодезической программы «Кредо» — то есть сводил воедино сырую теорию разработчиков с собственной многолетней практикой...

В поезде, особенно в самом начале поездки, пейзажи за окном то и дело приковывают взгляд. Вблизи от Красноярска населённые пункты вдоль железной дороги встречаются довольно часто, однако обжитость района вовсе не радует, ибо едва ли не возле каждого посёлка красуются свалки. Выражаясь современным языком, налицо настоящий «экологический беспредел». Куча всего: строительного мусора, пластика, бумаги, пищевых отходов... Кто-то легкомысленно вывалил самосвал, рядом повторил другой лентяй — и пошло-поехало! Невольно подумалось: где же все те защитники природы, которые так активно борются с гидростроительством? В гидроэнергетике-то плюсы и минусы компенсируют друг друга, а здесь одни лишь минусы для природы. Про эстетику вообще говорить не приходится. А ведь сотни пассажиров ежедневно лицезрят эту «красоту»! Значит что-то не так в головах и помыслах этих «защитников природы»?

Такие вот невесёлые мысли возникают в голове. Потому, наверное, что в посёлке энергетиков Черёмушки ежегодно организуется уборка енисейского берега и окружающих территорий, собираются даже построить бетонную набережную,

прогнозируют скверы. А ведь сколько страшных прогнозов было высказано природозащитниками во время строительства Саяно-Шушенской гидроэлектростанции, даже вспомнить страшно!

По мере удаления от Красноярска поселения всё реже, а вот следы человеческой деятельности продолжают наводить на грустные мысли. «Разруха — она в головах», — утверждает профессор Преображенский в романе Булгакова «Собачье сердце». Можно и нужно, конечно, гордиться трудовым подвигом строителей БАМа, но сколько же безобразных шрамов оставили они вдоль железной дороги. Выбирали грунт из многочисленных котлованов — да так и оставили не просто ямы, а ямищи, не сделав элементарной рекультивации. И то, что бульдозерист мог сделать за несколько часов, природа будет сглаживать и «зализывать» десятилетия. А пассажирам поездов всё это время придётся «любоваться» на дело рук нерадивых своих собратьев. Но, может быть, глядя на это безобразие, кто-то задумается и начнёт благоустройство своего двора, своей улицы, своего посёлка либо города? А то иногда создаётся впечатление, что строят города и промышленные объекты какие-то враги природы, инопланетные-человеконенавидящие...

В городе Нерюнгри нас, согласно договорённости, ожидает машина, чтобы доставить в посёлок Чульман, в котором и находится перевалочная база комплексной изыскательской экспедиции номер тринадцать. А уж дальше, до площадки будущей Канкунской ГЭС — а это ещё полторы сотни километров вниз сначала по речке Чульман, а потом по Тимпону, — нужно добираться вертолётom. Кроме нас, в таёжный лагерь направляется, как стало известно от встречающих, большая группа проектировщиков из Санкт-Петербурга во главе с главным инженером проекта гидроэлектростанции.

И вот почти час летим над покрытой бурными пятнами-проплешинами, неприглядно унылой и непривычно плоской поверхностью. Как же разительно этот пейзаж отличается от бескрайней саянской тайги с её зеленью, причудливыми скалами и белопенными ручьями! Так что воспользоваться висящим у меня на шее фотоаппаратом «Canon» даже не возникло желания. Не скрашивают эту монотонность и редкие лиственницы, и вспыхивающие солнечными искорками крохотные озёрца. Лишь изредка нарушают топографическое однообразие извилистые ручьи, обрамлённые узкими полосками кустарника. А ещё не заметно ни малейших следов человеческой деятельности — только сходятся и расходятся, образуя сложную паутину, звериные тропки, указывающие, что здешний мир всецело принадлежит диким животным.

Далее вертолёт летит над рекой: то ли над Чульманом, то ли уже над Тимпоном. Замысловатые петли-меандры реки несколько разнообразят вид

внизу, и эта беспрестанно петляющая по довольно широкой террасе серебристая лента вызывает невольный вопрос: а что же мешает реке течь по кратчайшему пути? Возможно, это как-то связано с частыми перекатами, отмеченными белой пеной? Ведь не по собственной же прихоти? То там, то тут проглядывают на её берегах белые пятна — это не растаявшие до сих пор наледи. Некоторые из них так и не исчезнут до конца короткого лета, сохраняя зимний холод. Окружающие долину горы покрыты редкими лиственницами, через полупрозрачные кроны которых проглядывают серые скалы и пилообразные хребты. В общем, нудное однообразие, на которое и смотреть-то неинтересно, не то что фотографировать. В отличие от нашей густой и ярко-зелёной саянской тайги, скрывающей почти всё, находящееся под кронами, сквозь здешние голые лиственницы видно каждый камень. Подумалось даже: трудно, должно быть, спрятаться от вертолёта местному зверью? Которое, кстати, я так и не заметил на протяжении всего полёта.

Наконец наш Ми-8 делает круг над районом изыскательской базы и устремляется вниз — к домикам-ульям на левом берегу речки Тимптон. По вырубке, зажатой между рекой и подножием горы, хаотично разбросаны рубленные из лиственницы квадратные балки, разноцветные цистерны, несколько жилых вагончиков и транспортная техника. Медленно и осторожно вертолёт садится на сооружённую из брёвен квадратную площадку-настил, отмеченную по углам красными флажками. Всё, мы наконец-то на месте!

Вертолёт загружен, как говорится, под завязку: в салоне, кроме нашего геодезического оборудования, множества сумок и рюкзаков, уйма каких-то ящиков и мешков. Как оказалось, это продукты для здешней столовой. И сразу возле вертолёта собирается человек двадцать: из прилетевших, встречающих и добровольных помощников поварихи. Местные таскают ящики и мешки с продуктами в столовую и в соседствующий с ней погреб-морозильник, устроенный в вечной мерзлоте. Питерцев же ведут к двум жилым вагончикам, где им предстоит заночевать. А вот нам, геодезистам, отводят пустующий стандартный балок на краю лагеря, возле которого возвышается штабель длинных ящиков с выбуренными цилиндрами-кернами скальной породы.

Едва закончилась разгрузка, как главный инженер проекта предлагает воспользоваться вертолётom, чтобы сделать рекогносцировочный, то есть обзорный, полёт над альтернативными створами будущей плотины. Нам с Юрой тоже интересно посмотреть на место будущей работы и, возможно, даже наметить кое-какие вершины и скалы для закладки пунктов долговременного геодезического обоснования.

Вертолёт взлетает и берёт направление вниз по течению Тимптона. Первый створ, отмеченный довольно заметной просекой, буровыми станками на ней и изрытой гусеничной техникой площадкой возле воды, оказался совсем недалеко, а вот копёр-треножник бурового станка, установленный на следующем створе, я даже не сразу разглядел. Это и немудрено, поскольку никакой заметной просеки в лесу и среди кустарника не просматривалось от слова «абсолютно». Да, похоже, что эти лесные дебри доставят нам с Юрой немало «счастливых» эмоций и незабываемых дней!

Вертолёт снова приземлился в лагере, а потом улетел восвояси, оставив нас между зелёными вершинами и голубой речкой. И с чавкающей бурой жижей под ногами. Эту противную грязь нам придётся месить весь сезон, поскольку под травой лишь она, да ещё вечная мерзлота — многометровая и многовековая толща мёрзлого грунта с линзами льда.

Вечером полноправно ужинаем в столовой. Благодаря свежему привозу продуктов, меню очень даже разнообразно — почти как в ресторане. Повариха Любовь Васильевна собирает индивидуальные заказы на завтра: на завтрак и на обед. Похоже, перспектива похудеть нам с Юрой здесь точно не грозит!

Наши соседи — олени и медведи

Изыскательские дороги, изыскательские судьбы... В чём измерять их: в километрах, в годах, в построенных гидростанциях? Проще, наверное, всё-таки в ГЭС. Не все они при этом были построены, но ведь качество изысканий, мера ответственности, затраченные усилия всегда одинаковы. Специфика нашей профессии в том и состоит, что текущую изыскательскую работу невозможно представить в далёкой перспективе — ибо никому не ведомо, построят, в конце концов, этот объект или нет. Но каждый раз множество специалистов начинают работы с первого колышка, а заканчивают техническим проектом: предварительным — и впоследствии отвергнутым, или же окончательным — и уже детальным. Именно потому изыскательская биография складывается как из возведённых гидростанций, так и из тех, к проектам которых вряд ли когда-нибудь вернуться.

Первую ночь в балке спалось просто ужасно: и выданное со склада шерстяное одеяло оказалось «кусачим», и местные комары всю ночь грызли новичков немилосердно. А произнесённая жутковатым голосом фраза из ночного кошмара прозвучала вообще угрожающе: «Каждую ночь будет тебя будить вой пикирующих комаров». Не иначе, это пообещал мне сам здешний комариный бог? Открыв глаза, я ужаснулся во второй раз: яркий

дневной свет проникал в балок через многочисленные щели в стенах. Накануне было просто не до того, чтобы обратить на это внимание. Как оказалось, балок до нас был необитаем, срубили его ещё зимой, а с приходом тепла фундамент подтаял — и его так перекосило, что лиственничные брёвна разошлись.

Перед тем как идти завтракать, зашёл на склад, чтобы взять марлевый полог на дверь и паклю для заделки щелей. Вечером, после работы, придётся тщательно законопатить всё, что возможно, — чтобы последующие ночи не оказались самыми яркими из многочисленных тимптонских впечатлений. Острослов-кладовщик, выслушав мои жалобы, выдал два мешка пакли и очень образно выдал прогноз на будущее:

Если вас укусят раз —
вы, быть может, вскрикнете.
Раз укусят, два укусят...
А потом привыкнете!

Утро, учитывая, что это лишь начало якутского июня, очень даже тёплое, и, главное, почти нет зловредных комаров. В столовой все места за длинным столом уже заняты, поэтому приходится ожидать в очереди. Но это, как заверила повараха, временные трудности — до отлёта проектировщиков. Тут же трутся три довольно упитанные собаки: Соболь, Умка и Чапа. Они дружно бросаются к каждому выходящему в расчёте получить порцию угощения. Это если не отвлекутся на шустрых бурундуков, которые безбоязненно снуют прямо под ногами. Правда, при появлении собак они тут же взмывают на близстоящие деревья или на крышу столовой. Говорят, что у собак есть и другие, главные обязанности: они отгоняют по ночам слишком любопытных медведей.

После завтрака экспедиционные рабочие выгружают ящики с керном из металлической волокуши, что возле нашего балка, и раскладывают в длинный ряд. Вскоре собирается большая группа из приехавших проектировщиков и местных геологов, чтобы пересмотреть выбуренные образцы. Ведь по этим каменным цилиндрам можно судить о составе и трещиноватости будущего основания плотины. Пояснения дают местные: главный геолог Ирина Красовская и инженер-геолог Юрий Кузьмин. Он якут — и, как мы успели убедиться, единственный представитель коренной национальности в лагере. А главный инженер проекта — или попросту гип — Васильев Александр Васильевич бывал, оказывается, и на нашей Саяно-Шушенской ГЭС. Правда, я в это время уже не работал, а занимался на пенсии литературным творчеством.

Из разговоров становится ясно, что основные параметры гидростанции уже определены: мощность — более двух миллионов киловатт, а высота

плотины — ориентировочно двести восемь метров. В общем-то, вырисовывается довольно мощная, даже по современным меркам, гидроэлектростанция. Вот только пока ещё не ясно, будет плотина каменно-набросной или бетонной. Более практичный вариант упирается в отсутствие поблизости необходимых запасов песка для производства бетона. А мелководная, с множеством перекатов река Тимптон в качестве транспортного пути для его доставки вообще не подходит. В результате вчерашнего осмотра сверху гип намetil ещё два альтернативных створа ниже по течению, так что буровикам, геологам и нам, геодезистам, работы значительно прибавилось.

Итак, по нашим расчётам, если конечно не внесёт серьёзные коррективы погода, жить нам здесь предстоит до середины или даже до конца августа. Техническое задание предусматривает большой комплекс измерений: создание высокоточной геодезической сети, разбивку дополнительных и привязку нескольких десятков уже пробурённых скважин. А ещё множество менее объёмных, но не менее значимых работ — ведь первичные изыскания включают, как почти всегда заведено у проектировщиков, альтернативные створы и площадки. И, кроме того, нужно привязать к будущей строительной площадке вероятные подъездные дороги, карьеры камня, галечника, суглинков и песка, площадки под посёлок изыскателей и под городок будущих эксплуатационников. Это уже на удалении от створов и в основном наверху, где плато.

Основные же трудности даже не в том, что до самой удалённой точки добрый десяток километров, что перепад высот от реки до верхней террасы составляет почти километр, а в отсутствии на площадке будущего строительства не только всесезонных дорог, но даже охотничьих троп. За исключением звериных тропок, конечно. А ещё в невозможности преодолевать многочисленные перекаты на моторной лодке, не говоря уже о крупном катере. Значит, снова, как когда-то в отчаянной молодости, всё необходимое придётся таскать на себе. Ишачья работа — это ещё мягко сказано! Правда, руководство экспедиции клянётся вскоре доставить в лагерь двух обещанных помощников и персональную лодку с мощным мотором. Якобы из Санкт-Петербурга и якобы не позднее чем через пару недель. Пока же придётся работать вдвоём, да ещё и переплывать с берега на берег на дежурной моторке — то есть в значительной степени зависеть от планов других обитателей лагеря. А значит, терять драгоценное время.

Пока проектировщики заняты своими делами, просим забросить нас на этой самой дежурной лодке к месту работы. Собственно, начинать можно практически от лагеря, но лучше всё-таки с дальнего конца, чтобы минимизировать зависимость

от транспорта. В рюкзаках у нас топоры, пробойники и молотки, а также гвозди, сухой цемент, краска в тубах и, собственно, те самые марки из нержавеющей стали, запас которых Юра выточил на токарном станке ещё в Майне. Начинать сложный производственный процесс нужно с создания многоярусной триангуляционной сети. Именно многоярусной: нижние пункты располагаются по берегам у воды, следующие ярусы — на склонах, причём верхний должен располагаться выше гребня будущей плотины. А потом заложим марки ещё и на вершинах окружающих гор — это уже для привязки площадок стройматериалов и для связи с существующими пунктами государственной триангуляции. Поэтому схема триангуляционной сети и полигонометрических ходов растянется более чем на десяток километров. И ползая по окрестным горам нам придётся «от души».

Начинаем с левого берега, поскольку здесь уже есть несколько закреплённых пунктов, на которых Юра выполнял подобные измерения ещё в 2007 году. Возле каждого на скале, кроме номера, крупные надписи белой краской «ЛГП» — то есть «Ленгидропроект». Сколько же тысяч таких маркировок сделал я в Саянах с 1971 до 1996 года, пока Саянская экспедиция номер семь не закрылась!

Для начала решаем подновить старые пункты у воды и заложить дополнительные. Отыскав подступающую к воде скалу с площадкой, подходящей для установки прибора, выдалбливаем пробойником отверстие и, залив цементом, заглубляем марку с металлическим клином. Это двойная страховка, чтобы жуткие перепады температур, ледоходы и дождевые паводки не нарушили устойчивость центра. В дополнение нужна хорошо заметная надпись масляной краской на ближайшей вертикальной поверхности. Потом ставим веху с распорками и делаем контрольное определение координат по GPS-навигатору — чтобы потом долго не искать. Точность навигатора, в зависимости от количества принимаемых спутников, может составлять всего несколько метров, и этого вполне достаточно, чтобы найти заложенную марку даже в глухой тайге.

Внизу всё вокруг выглядит более насыщенным и зелёным, чем вчера сверху, с вертолётá. Возле воды теснится густой кудрявый кустарник, а под ним высокая трава с таёжными цветами. Пена с речных перекаатов образовала в небольших заливчиках белые узоры — этакая причудливая графика на воде. При желании можно увидеть и спиральные галактики, и неведомых животных, и забавные рожицы. На узких же песчаных косах иная графика: встречаются цепочки следов коренных обитателей — косуль, северных оленей, а то и медведей. Про всякую лесную мелочь я уже и не говорю, ибо разнообразных следов на песке множество.

Конечно, при ближайшем рассмотрении здешняя тайга существенно отличается от нашей, от саянской. Вот по кромке подступающего к воде берега щедро цветёт брусника — и это не редкие цветочки, как у нас, а настоящие букеты из длинных розовых кистей. Может быть, мы даже дождёмся урожая, то есть ягодного пира в конце августа? Пушистые же ветки встречающихся кедров усыпаны созвездиями красных шариков — это завязи будущих шишек, которые на стланиковом кедре растут не поодиночке, а целыми гроздьями. Правда, вырастают здешние шишки размером всего лишь с перепелиное яйцо или чуть больше, но тем не менее мелкие орешки необыкновенно вкусны, о чём знают и белки, и бурундуки, и крикливые кедровки, и медведи-лакомки. Жаль, что урожай здесь будет лишь в следующем году, ведь плодоносят стланиковые кедровые раз в два года.

По береговым склонам над кронами лиственниц живописно возвышаются многочисленные скалы-останцы, причём самых невероятных форм. Одни похожи на башни полуразрушенных старинных замков, другие — на застывших каменных великанов, обитателей этих самых замков. Вот на этих скальных останцах и будем искать площадки для закладки марок второго и третьего ярусов геодезического обоснования.

Мы находимся как раз напротив основного створа, когда туда причалили две лодки с проектировщиками. Буровые работы на том берегу завершены, на площадке возле воды лишь не убранное пока ещё оборудование: вагончики, разнокалиберные ёмкости для горючего, соскладированные буровые трубы. Выше по склону площадка с неработающим буровым станком, большой палаткой с торчащей из неё печной трубой и уже знакомый штабель из ящиков с выбуренными кернами. Ещё выше на тонкой линии просеки просматриваются ещё две давно оставленные площадки. Конечно, если створ выберут в качестве окончательного, то скважин по просеке прибавится — их станет в несколько раз больше.

Ближе к вечеру к нам приплывает дежурная лодка, чтобы доставить в лагерь. Там, возле настила, в ожидании вертолётá уже собралась с вещами проектная группа. Вскоре вертолёт выныривает из-за кромки гор и забирает горских гостей, чтобы доставить в Чульман. А дальше их ожидает Санкт-Петербург — когда-то родной для меня город Ленинград, или попросту Питер. Но проектировщикам не придётся пересекать в поезде более половины страны, поскольку в соседнем с Чульманом городе Нерюнгри функционирует аэропорт.

Физический и погодный факторы

Почти каждое утро, выходя из своего «геодезического» балка, мы окунаемся в плотный белый туман. Сквозь него невозможно разглядеть

ни окружающих гор, ни монотонно шумящей где-то по соседству реки. А тем более невозможно предугадать, то ли белая пелена вскоре рассеется, проявив, словно цветную фотографию, окружающий пейзаж с безоблачным синим небом и зажатой в узком каньоне рекой, то ли туман превратится в нудно морозящий противный дождь...

Конечно же, современные методы геодезии трудно сравнивать даже с теми, что существовали всего полтора десятка лет тому назад. Так, в нашем распоряжении электронный тахеометр «Лейка», способный выполнять лазерные измерения постоянный с точностью до миллиметров, и спутниковые приёмники глобальной позиционной системы, определяющие координаты с точностью до нескольких сантиметров. Так что, как шутит Юра: «Геодезия — самая работа для пенсионеров: установил треногу с приёмником над знаком — и отдыхай час-полтора, пока тот считывает информацию». Однако высокие точности требуют и столь же высокой квалификации, ведь процессу сопутствует множество всяческих «но». Но надо чётко сориентироваться, где закрепить геодезический знак, чтобы потом к нему, даже в процессе строительства, удобно было привязываться. Но надо определиться с оптимальным временем суток для наиболее качественных измерений — ибо количество и расположение спутников над узким речным каньоном может оказаться недостаточным для требуемой точности. Но надо рационально выстроить конфигурацию расположения новых долговременных знаков и грамотно вписать их в государственную геодезическую сеть. А потом ещё надо ввести все поправки при обработке результатов измерений и при уравнивании совмещённых систем...

Это техническая сторона процесса, но ведь надо учитывать и так называемый человеческий фактор, ибо знаки предусматриваются на трёх разных уровнях: вдоль воды, на склонах и по верху речного каньона, то есть на плато. А это уже порядка восьмисот метров выше уровня реки! Если внизу помехой являются скальные прижимы и превратившаяся летом в чавкающую грязь мерзлота, то на крутых склонах оплетает ноги ягодник и подстерегают предательски подвижные осыпи-курумники. Да и на плато нас ожидают непролазные заросли стланикового кедра, нагромождения крупных камней и многочисленные болотца. А в придачу ко всему этому — неисчислимые полчища комаров, мокреца и мошки. Даже возле реки — стоит остановиться для передышки, как противоэнцефалитный костюм тут же становится «лохматым» от насевшей живности. И если при общении по рации услышишь, как твой собеседник закашлялся, — это означает, что он слишком глубоко вдохнул «кисель» из воздуха и насекомых...

Чтобы не лазать по склонам лишней раз, закладку марок совмещаем сразу с геодезическими наблюдениями. Спутниковые приёмники каждый раз должны располагаться в форме треугольника, иногда даже очень вытянутого — но иначе трудно оценить полученную точность и невозможно правильно распределить возникающие плановые невязки. Таким образом, постоянная точка с приёмником находится в лагере, прямо возле нашего балка, второй приёмник — у меня, а главный прибор — в ведении Юры.

Закрепив марку на присмотренной заранее скале, устанавливаю над ним приёмник, замеряю рулеткой высоту и жду Юриного сигнала. Из портативной рации, что находится в нагрудном кармане, должен прозвучать его голос: «Готов? Тогда включай прибор». И вот тогда можно заниматься обустройством площадки, надписями на скале и открытием видимости на реку — ведь сигнальную вежу потом нужно будет отыскивать и с других точек. А после этого, поскольку процесс определения координат занимает больше часа, можно уже сфотографировать окружающие пейзажи с рекой внизу. По окончании процесса измерений буду перебираться на другую точку, где всё повторится абсолютно в том же порядке. И так, если позволяет погода, весь световой день.

Слой из жёсткой травы и сплошного ягодника, стелющихся поверх подстилки изо мха, «играет» под ногами, словно пружинный матрац. Балансируя на нём, особо опасаясь скрытых подо мхом глубоких трещин. Ведь если провалишься глубоко и потеряешь равновесие, то рискуешь сломать что-нибудь из конечностей — поэтому при ходьбе приходится постоянно об этом думать. Любая травма осложнит работу, а серьёзная вообще чревата большими проблемами. От постоянного напряжения к вечеру выматываешься, конечно, до предела, но хорошая погода подстёгивает — в здешнем регионе июнь с июлем довольно дождливые месяцы, поэтому если зарядят дожди, то невозможно даже предсказать, на сколько суток.

В ритме максимальной нагрузки работаем уже третий день. Сегодня с раннего утра опять поднялся на точку, что от реки располагается более полукилометра по высоте. Но это только по высоте, а так, с обходами осыпей, с зигзагами на крутяках, с карабканьем по скалам, набегаем уже не один километр. И вроде бы всё повторялось как вчера, а спустился — и неожиданно ощутил невероятную усталость. Не выпался, что ли? До начала подъёма к следующей точке надо пройти по речной косе километра полтора — понемногу вошёл в ритм, и как будто полегчало.

Вот он, следующий подъём: высоко по склону, как раз напротив, возвышается нужная мне скала. Подниматься решил не по просеке створа, а по тропке, проложенной к недавно расчищенной

вертолётной площадке, куда ещё только предстоит заброска бурового станка. Пролез сквозь завал срубленных деревьев, выбрался на расширенную площадку... И тут заложило уши, будто от резкого перепада давления! Попробовал традиционные методы: зевал, зажимал ноздри и дул, — ничего не помогает. Прошёл вверх по склону ещё пару десятков метров и с ужасом ощутил, что мне не хватает кислорода для дыхания. От осознания этого или по какой-то другой причине, сердце бешено заколотилось. Упал на мох, ожидая худшего, — однако через пару минут сердцебиение прекратилось. Вроде бы всё прошло? Прошагал ещё метров двадцать — и приступ в точности повторился. А главное — непонятно, в чём дело. На аллергию от запаха багульника, который в жаркую погоду может одурманить, не похоже, ведь когда отдохну, то снова дышится нормально. Или это инфаркт, первых признаков которого я, за неимением предшествующего опыта, попросту не знаю? Но тогда не должно сердцебиение так уж быстро проходить...

Связываюсь по радиации с Юрой, объясняю ситуацию. Его ответ меня сразу успокаивает:

— Да у меня сегодня на первом подъёме, правда, уже наверху, нечто похожее происходило. Думаю, что мы слишком большую нагрузку организму дали. Нужно было для начала несколько дней внизу поработать, для адаптации.

Сразу вспомнилось, как в Саянах, возле вершины горы Гладенькая, куда трассировали линию электропередач для горнолыжной базы, я когда-то тоже ощутил резкое ухудшение физического состояния. Стоило ускорить шаги или подниматься вверх по склону, как через некоторое время наваливалась усталость и начинало учащённо биться сердце. Я тогда подумал, что просто-напросто заболел, но опытный рабочий-скалолаз пояснил, что так сказывается высокогорье. Действительно, мы тогда работали на высоте более полутора километров над уровнем моря, плюс крепкий зимний морозец с ветром. В таких случаях даже для опытных альпинистов требуется адаптация в несколько дней. Хотя и резкая смена часового пояса тоже может накладывать свой отпечаток. Так, прилетая из Сибири в Ленинград или Москву, я всегда на третий-четвёртый день ощущал упадок сил и головную боль. А потом всё проходило.

Посоветовавшись, решили работу на сегодня прекратить. Рюкзаки накрыли от вероятного дождя полиэтиленовой плёнкой и спустились вниз. Вызвали по радиации лодку...

Вчера вечером чувствовал себя полностью разбитым и, честно говоря, побаивался, что буду так же себя ощущать и утром. Но, проснувшись, кроме некоторой вялости, вчерашних симптомов не почувствовал. Накануне сделали с Юрой соответствующие выводы и решили чередовать

подъёмы с работой внизу, возле реки. Однако волей-неволей, но с утра нужно идти в гору, поскользку там наши рюкзаки с приборами.

Вопреки опасениям, поднялся без особых проблем. Совсем рядом с закрывающим рюкзак полиэтиленом появилась за ночь куча медвежьего помёта, которой вчера вроде бы не было. Это, как я понимаю, косялапый выразил своё крайнее пренебрежение, если не сказать больше! Как-никак он здесь хозяин и авторитет, а мы пришлые. Хорошо ещё, что рюкзак не тронул! А то, помнится, когда сплавлялись на резиновом плоту по порожиному Кантегиру и однажды довелось ночевать в избушке, то оконные рамы мы доставали с чердака. Оказывался, медведи попросту вышибали их, разбивая стёкла вдребезги, чтобы обследовать внутренности избушки после очередной группы туристов.

Воду для чая набираем в крохотном ручейке позади нашего «геодезического» балка. Она слегка желтоватого цвета, и когда кто-нибудь идёт с ведром на ручей, то вслед звучит: «Пошёл за пивом?» Это, конечно же, далеко не наша чистейшая енисейская вода, но всё-таки и не как в Тимпоне — та имеет вообще коричневатый оттенок. И привкус от неё во рту ещё тот! Оно и понятно: ручьи собираются с протаявшего верхнего слоя почвы — а это и болота, и листовенно-травяной перегной. Тем не менее в местной газете «Нюрка», которую кто-то принёс в столовую, прочитал относительно тимпонской воды нечто невообразимое. Газета, правда, ссылается на некий источник «ПН», который, похоже, хорошо известен местным жителям.

«Мерзлотная вода уникальная: в ней нет солей тяжёлых металлов, она близка по составу человеческой крови, поэтому очень полезна. А сейчас источники планируют затопить водохранилищем Канкунской ГЭС. В результате изменится хрупкий гидрогеологический баланс, и родники исчезнут. А они, представьте, не замерзают даже в сильные морозы. Нашлись же „мудрецы“, решившие строить в Южной Якутии каскад ГЭС, угробить источники, краснокнижную тайгу, территорию эвенкийских общин, где выпасаются олени. Какая в этом экологическая целесообразность?»

Меня давно удивляет, что вокруг любого проекта сразу же появляются такие вот «защитники» природы. Сколько же возмущённых статей было в газетах разного статуса вокруг строительства той же Саяно-Шушенской ГЭС! Не боясь выказать не только свою некомпетентность, но и полнейшую безграмотность. Насчёт схожести болотной воды с человеческой кровью я вообще молчу. Такая вода в любом болотце бескрайней тундры. Незамерзающие источники тоже не уникальны — это вода из глубины скальных трещин, куда не проникает морозный воздух. А водохранилище — это узкая полоска воды, зажатая между обрывистыми берегами. Потому-то и требуется

плотина двухсотметровой высоты, чтобы объём водохранилища стал более-менее приемлемым. Надеюсь, что мои слова звучат более убедительно для непосвящённых читателей, чем голос неведомого источника «ПН».

Вот и закончилась первая неделя нашего пребывания на Тимптоне. Пока всё идёт по плану, но, как признался Юра: «Староват становлюсь для работы в горах. Три года тому назад и горы здешние были как бы пониже, и подъёмы положе».

Действительно, пора, наверное, начинать себя беречь — седьмой десяток обоим пошёл. Но куда денешься, если опытных изыскателей становится всё меньше и большинство ушли в другие структуры, а молодёжи нужно время для приобретения опыта? Да ещё эти тендеры, когда каждый последующий этап изысканий может выиграть другая организация. Поэтому ни одна из них, как было ранее заведено, не готовит кадры на перспективу. Вот и оказались такие, как мы, пенсионеры с Саян в глубине Якутии. Причём пенсионеры глубокие, поскольку наработанный изыскательский стаж сделал нас таковыми в пятьдесят пять!

Трудовые дни и творческие вечера

Ветер гонит над тимптонской водой пьянящий аромат тайги. В нём терпкий запах баульника, сладковатый — кедрового стланика и тонкий букет ароматов таёжных цветов. Дышишь этим живительным бальзамом и никак не можешь вдохнуть надыхаться — это ведь не бензиновая вонь и не затхлые миазмы городских улиц. Здесь, среди бескрайней тайги и поющих свою нескончаемую песню ручьёв, стараешься не думать о каждодневных тяжёлых подъёмах и полчищах свирепых комаров, ибо они вскоре забудутся, а вот окружающим пейзажам суждено навсегда запечатлеться в памяти, в воспоминаниях. И пусть руки, ноги, всё тело натружены работой, наполнены усталостью, но одновременно отдыхает от городского ритма и освобождается от балласта проблем душа! Ведь здесь, как и сто, как и тысячу лет назад, человек ощущает себя неотъемлемой частью врачующей душу и тело природы...

Пока не прилетели помощники, работаем на небольшом удалении от реки. Постепенно фронт работ приблизился к лагерю — а потом распространился и дальше, вверх по течению Тимптона. Удалённые и труднодоступные участки будем осваивать уже с прибытием санктпетербуржцев, а то и так грубо нарушаем все мыслимые правила техники безопасности, разделяясь на маршрутах. Есть, правда, и рации, и навигаторы, но если что-то случится, то помощи придётся ждать довольно долго. А ведь в таких случаях иногда всё решают минуты.

В полукилometре от лагеря расположен гидрологический поперечник с перекинутым через

реку тросом, к которому цепляется лодка, чтобы через определённые расстояния делать промеры глубины и замерять скорость потока воды. Кроме замеров уровня воды несколько раз в день, гидрологи периодически определяют и расход проходящего через гидроствор речного потока. Эти замеры в совокупности нужны для вычисления объёма проходящей через поперечник воды при разных уровнях. И всё это для определения годового водостока — то есть для вычисления оптимального объёма будущего водохранилища.

По донельзя разбитой гусеничной техникой дороге добираемся до водомерного поста. Юра неожиданно сворачивает к посеревшему от дождей настилу с остовом когда-то стоявшей на нём палатки.

— Здесь я в две тысячи седьмом году жил, — поясняет он. — Тогда никаких балков ещё и в помине не было.

На самом берегу приютилось жилище гидрологов: стандартный балок из свежоошкуренной лиственницы, навес для гидрологического оборудования, большая поленица дров и тарелка спутниковой антенны на высоком шесте. Встречает нас сначала дружелюбная собака, а потом и её хозяин. Эту хаски с разными глазами — один голубой, другой карий — мы встречали как-то возле столовой. Однажды она даже пришла к нашему балку, чтобы познакомиться с вновь прибывшими.

— Слишком уж доверчивая у вас охрана, — замечаю я, кивая в сторону хаски.

— Молодая ещё, — поясняет гидролог. — Тут на днях начала ночью в дверь ломиться и лаять. Открываю. Нюрка шмыг мимо — и под нары. А метрах в десяти медведь стоит. Я сам от неожиданности чуть следом под нары не залез.

— Что это козолопаго к жилью-то потянуло? — интересуется Юра. — Съестное учуял, наверное?

— Нет, похоже, просто мимо шёл. Решил полюбопытствовать хозяин тайги.

Внутри балка двое широких нар и стол от окна между ними. Одни нары застелены, вторые из-за временного отсутствия напарника используются в качестве сиденья. На столе у самого окна ноутбук со звуковыми колонками. Внутри, насколько это возможно, наведён порядок. В общем, вполне нормальное и обжитое пристанище нетребовательного одинокого мужчины. Тайга — не город, здесь не нужно ничего лишнего!

Возвращаясь назад, собираем возле дороги спелые янтарно-жёлтые ягоды морошки. Клюква ещё зелёная и мелкая, но к концу лета и её будет довольно много.

Ещё дальше, уже в полутора километрах выше нашего лагеря, в Тимптон впадает полноводный ручей Курунг-Хоонку. Он, похоже, и дал название посёлку Канкунский, обозначенному на карте где-то в тридцати километрах выше по ручью.

Это ближайший населённый пункт, образованный в 1950 году как центр добычи слюды. А вот следующий ближайший для нас населённый пункт — это уже Чульман. Когда-то Канкунский насчитывал две с половиной тысячи жителей, но в 2002 году, согласно Интернету, в нём проживало всего четыре человека. И оттуда есть прямая дорога длиной в несколько сот километров до автотрассы «Лена» и до параллельной ей железной дороги.

Устье ручья Курунг-Хоонку — наш очередной район работ. Здесь база буровиков: изба, примитивная баня, жилой вагончик и гусеничная УГБ — установка глубокого бурения. Сейчас обитателей в лагере нет, лишь доносится гул двигателя установки, работающей где-то неподалёку. Здесь верхняя граница площадки изысканий, так что наша геодезическая точка с координатами просто необходима. Сначала привязываем её и пройденные скважины, а потом закрепляем ещё одну точку — подалее в логу. Позднее рассчитываем использовать её для связи с государственной высотной сетью, репер которой, судя по карте, находится в нескольких труднопроходимых километрах. Каких-либо троп вдоль ручья в этих необжитых местах попросту нет, поэтому и оставляем привязку на потом, когда прилетят помощники.

Возле впадения ручья в Тимптон на карте чёрным прямоугольничком отображено жилище — правда, с пометкой «нежил.». Похоже, теперь это и есть приватизированное жилище буровиков? Судя по карте, распадок довольно значителен по площади, но погода настолько хмурая, что солнце в качестве ориентира на небосводе не просматривается — и потому в густых зарослях трудно ориентироваться. Только окружающие горы позволяют более или менее определяться с направлением движения. Но дальше от устья лес становится почти прозрачным: стволы лиственниц не толще полутора десятков сантиметров, а чахлая хвоя лишь на самых верхушках. И много сухих деревьев, да и живые-то выглядят словно бы больными или после пожара. Если бы не кашеобразные кусты стланикового кедра, то подобное редколесье и лесом-то неправоммерно называть. Создаётся впечатление, что деревья здесь с самого рождения борются за жизнь, многие не выживают. Хотя это и немудрено, поскольку корни их под слоем мха весь год то в мерзлоте, то в воде. Когда наступаешь на этот податливый мох, то под слоем воды ощущаешь твёрдый лёд и вечный холод. Удивительно, как в таких жёстких условиях эти лиственницы вообще растут! Зато о выживании здешних обитателей природа позаботилась сполна: ковром цветёт брусника, встречаются сочные ягоды голубики и морошки, и даже ряно алеет на мху прошлогодняя клюква.

В предчувствии похода вдоль ручья, накануне я изготовил рыболовную снасть: вырезал длинное

удилище и весь вечер, используя медвежью шерсть, вязал мушки-обманки для ловли хариусов. Но вот ходить по заросшему кустарником берегу с длинным удилицем, да ещё и без катушки, оказалось испытанием не для слаборывных. Удилище то и дело застревает, леска цепляется... В общем, рыбалка не оправдала мои сладостные ожидания! И то ли найденные крючки оказались крупноватыми, то ли у здешней рыбы свои особые пристрастия насчёт мушек, но было всего лишь несколько неуверенных поклёвок. Единственного вытасченного хариуса я вечером отдал лагерному персидскому коту Уле.

А когда выходили назад к устью, то ориентировались на высокую скалу, что просматривалась поверх вершин деревьев на противоположном берегу Тимптона. Она удивительно напоминала голову индейца в профиль: прямой нос, выступающее надбровье и головной убор из перьев. Вот только где Канада — и где Якутия! Иногда призадуматься, случайно или намеренно природа либо сам Создатель оставляют в разных уголках Земли свои загадочные творенья, о назначении которых приходится только гадать.

Повседневная жизнь нашего изыскательского лагеря не отличается особым разнообразием. После плотного завтрака в столовой, где меню зависит от того, давно ли прилетал вертолёт, мы отправляемся в очередной «геодезический» маршрут, буровики уплывают на смену в район створов, а геологи разделяются — кто-то на лодке уплывает с буровиками, кто-то пешком отправляется на месторождения стройматериалов. У гидрологов своя, как бы совсем отдельная от остальных жизнь возле гидроствора. Даже в столовой они появляются не каждый день.

Мы, как правило, обедаем тоже вдаль от лагеря, но к ужину в семь часов вечера стараемся подтянуться. Развесив мокрую от дождя или пота одежду, переодеваемся — и в столовую. Ведь здесь можно узнать новости: о сроке прилёта вертолэта, о новых заданиях, полученных из Чульмана по спутниковому телефону, или о вновь забредшем в лагерь гидрологов медведе. Телевизоры есть, но пока не работают — не отлажен терминал связи, и неизвестно, когда его отладят. Так что развлечений не так уж и много: можно хоть каждый день топить баню, можно читать скопившуюся после забывчивых предшественников небольшую, но очень интеллектуальную библиотеку, можно через ноутбуки, которые есть у каждого специалиста, просматривать фильмы на компакт-дисках. Правда, из-за экономии горючего электроэнергию включают вечером только на два-три часа, но нам, привилегированным геодезистам, давно обещан индивидуальный бензиновый электрогенератор. А вот любители природы могут побродить с удочкой или пособирать морошку с голубикой

на варенье. Брусника и клюква поспеют только к концу августа, но тогда уже будет нередко и заморозки по вечерам, да и мы с Юрой к тому времени, надеемся, улетим в свою солнечную и тёплую Хакасию.

На двенадцатый день нашего пребывания небо прохудилось и разразилось сыростью. Но не летним звенящим ливнем, а опустившейся между гор нудной серой моросью, на которую даже через оконце балка тоскливо смотреть. А ещё задул холодный пронизывающий ветер, словно бы скатившийся с невидимых ледников. Вот уж точно никакой не летний, а тем более не июньский дождь! Так что с труб всех балков и вагончиков порывами ветра весь день срывается сизый печной дым. Якутия-я-я, одним словом!

Юра почти все вечера занят обработкой измерений и уравниванием разрастающейся сети пунктов, я же пишу давно задуманную повесть. Здесь, вдали от телевизора и рутины цивилизованной жизни, работаете просто замечательно. А главное, что больше и заняться-то нечем, так что в данной обстановке едва ли не каждый второй готов заняться литературным творчеством — была бы капля таланта, а темы и прототипы героев найдутся. Неудивительно, что Владимир Арсеньев, Григорий Федосеев и Олег Куваев, проработав годы в экспедициях, стали известными писателями.

Уходя год тому назад на пенсию — хотя по законодательству мог уйти ещё на пять лет раньше, — я надеялся полностью погрузиться в литературное творчество. Но, как оказалось, работа в течение последних десяти лет руководителем пресс-службы СШ ГЭС сыграла со мной злую шутку: вскоре понял, что не могу избавиться от журналистских «штампов штампычей», незаметно проникнувших в мой язык. Литературная «ломка» продолжалась несколько месяцев, причём без особого успеха. И тут поступило предложение поехать на сезон в Якутию! Я согласился не раздумывая, в надежде, что привычная «полевая» обстановка вернёт и привычные философские мысли. Даже специально купил ноутбук, рассчитывая вечерами и в дождливые дни работать над давно начатым историческим романом. Вот только особой надежды на Интернет и на поиск в нём нужной информации не было, поэтому взял с собой и рукопись когда-то набросанной, но так и не доведённой «до ума» фантастической повести «Безбилетник». И вот, на фоне первозданной природы, в отрыве от информации и средств её доставки, снова начало что-то получаться.

В отличие от прежней жизни, где, в общем-то, ненужные телевизионные новости полностью занимали вечера, здесь тянет на элементарное человеческое общение. Нередко беседую за долгими чаепитиями с геологом Юрием Кузьминым. Он единственный здесь якут и крайне интересная

личность: увлекается йогой, много интересного может рассказать о шаманизме и обычаях коренного населения. Единственный его грех — это тяга к спиртному, поэтому Юра причислен руководством лагеря к невыездным. Частый гость в нашем балке и главный геолог Ирина Красовская, появляющаяся с очередными производственными заданиями или за консультацией по программированию GPS-навигаторов. Но главное, как мы поняли, — это тяга поговорить с достаточно редкими здесь «свежими» людьми. Вот жили же раньше люди без телевизоров, и, как мне кажется, интереснее жили, общались каждый вечер, тянулись друг к другу душой. Человеку свойственны коллективизм и общение, а не уютный персональный диван перед телевизором с потоком не особо-то и нужной информации.

Плюсы и минусы гидроэнергетики

Плотина будущей Канкунской ГЭС рассматривается проектировщиками в двух вариантах: каменно-набросная и бетонная. Их оси уже отмечены на обоих берегах, и, проплывая мимо на моторной лодке, я каждый раз пытаюсь мысленно нарисовать эти плотины. Но воображение почему-то пасует. Не потому ли, что за бортами лодки громко бурлит мелководный Тимптон, а выступающие из воды серые валуны напоминают расположившуюся на отдых отару овец? А ещё, отступив на безопасное расстояние от непредсказуемой воды, величественно застыли на склоне настоящие голубые ели, вершины которых, словно новогодними игрушками, украшены бесчисленным количеством крупных шишек. И, поравнявшись с затёсками на стволах нижних деревьев, успеваю разглядеть лишь на какой-то миг узкие просеки створов, круто уходящие вверх. Они прорезают частокол лиственниц и теряются где-то там, на крутых зелёных склонах. А оттуда, с выступающих хребтов и вершин гор, уже много тысячелетий смотрят вниз причудливые скалы-останцы. Одни напоминают башни полуразрушенных крепостей, другие — фантастические гигантские скульптуры. Не нужно какого-то особого воображения, чтобы разглядеть в них не только животных и птиц, но и лица древних идолов. Приветствуют они людей или, наоборот, осуждают вторжение разрушительного технического прогресса в их мир? Трудно понять, ведь они молчат, как молчали и при появлении на этих берегах первобытных охотников, ещё полностью зависимых от природы и от их покровительства.

Во время работы в пресс-службе СШ ГЭС мне часто приходилось писать о плюсах и минусах большой гидроэнергетики. Вот и сейчас наши вечерние разговоры с геологами нередко сводятся к подобным рассуждениям. С одной стороны,

строительство гидростанции в здешней «тмута-ракани» обойдётся, как говорится, в копейку — ведь даже сейчас доставка вертолётном персоналу, продуктов, снаряжения, горючего, да и переброска бурового оборудования со створа на створ требуют немалых затрат. А потом начнутся детальные изыскания на выбранном створе, прокладка десятков километров подъездных дорог, строительство посёлков, разработка карьеров, транспорт, бетонное хозяйство и, наконец, само строительство в столь суровых условиях. Ну, положим, затопление ложа будущего водохранилища в этом узком каньоне не нанесёт сколь-нибудь серьёзного ущерба ни природе, ни тем более отсутствующему местному населению... А с другой стороны, появятся новый благоустроенный посёлок изыскателей и работа на период строительства для тысяч людей, возникнут транспортные коммуникации, новые предприятия, начнётся разработка полезных ископаемых... Что греха таить, европейская часть страны уже во многом истощила себя, и перспектива экономического развития нашего государства — здесь, в Сибири и на Дальнем Востоке. Но для каждой новой ГЭС история яростного противостояния сторонников и противников начинается заново, как это было когда-то и в родных Саянах...

Дожди здесь, похоже, не бывают кратковременными. Два дня погода была «нелётной» как для нас, так и для воздушного транспорта. Мы ждём вертолёт по двум причинам: должны прибыть ленинградские помощники с лодкой, а ещё обещанный персональный бензогенератор. Это наша привилегия до конца командировки, поскольку электроэнергию в лагере из-за экономии горючего даже в дни вынужденного безделья включают лишь на несколько часов, да и то по вечерам. А без неё аккумуляторы наших ноутбуков «тянут» недолго. Тем более обидно, что таёжная Муза стала посещать меня всё чаще — практически каждый вечер.

Небо просветлело, но вертолёт, согласно сообщению из Чульмана, нужно ожидать лишь вечером. В горы, пока не прибыли помощники, лучше не лезть, поэтому на очередной фронт работ решили направиться на лодке и вниз по течению. Во-первых, нужно отыскать указанный на карте и весьма удалённый репер, во-вторых, попутно заложить ещё три марки, гармонично дополняющие схему развиваемой геодезической сети.

Причалили чуть выше непреодолимого даже после таких дождей переката. А до искомого репера ещё километров восемь по галечниковым россыпям и узким песчаным косам. Ходьба по мокрым камням и подвижным валунам, как оказалось, утомляет ничуть не меньше, чем карабкање по склону, — ведь, перепрыгивая с камня на камень, каждый раз рискуешь поскользнуться и потерять равновесие. Поэтому походка идущего впереди Юры со стороны выглядит как

повторяющиеся балетные па — в исполнении комика-пародиста, конечно.

Да, сегодня, похоже, не мой день! Внешне казавшийся устойчивым, камень под сапогом качнулся — и я потерял равновесие. Если бы он просто качнулся, ничего страшного бы не произошло — так случается часто, но валун повернулся вокруг оси на двух других камнях. И я, естественно, рухнул плашмя, успев только выставить перед собой руки. И тут же ощутил острую боль в правом колене. Соображая, как же такое могло произойти, почувствовал, как под брючиной побежала по ноге кровь. Кое-как поднялся и заковылял дальше, ещё не представляя до конца, чем мне всё это может грозить.

Идущий впереди Юра оглянулся и встревоженно спросил:

— Ты как, в порядке?

— Да вроде бы. Коленку, правда, ободрал до крови.

Сел на камень, замотал кровоточащую ссадину бинтом, и мы двинулись дальше. Вскоре вроде бы разошёлся, и боль отступила, только сильное жжение напоминало о травме. Но после короткого перерыва на обед поднялся всё-таки с трудом. Нога то плохо сгибалась, то, наоборот, предательски подгибалась. Через какое-то время боль опять отпустила и как бы затаилась. А вот что будет завтра, послезавтра? Ведь я могу попросту подвести — особенно если долгожданные помощники так и не прилетят.

Вертолёт прибыл поздно, когда его уже и не ждали. Спешно высадились пассажиры, быстро выгрузили доставленное оборудование и продукты — экипажу ещё предстояло перенести буровой станок с одного створа на другой.

Наконец-то наш геодезический отряд в полном составе. Виталий — достаточно опытный геодезист из «Ленгидропроекта», а с ним Коля — студент какого-то вуза, решивший испытать себя в таёжной жизни. Изыскательского опыта у студента ноль, зато налицо молодость и спортивная фигура, так что будет на кого завтра навьючить самый тяжёлый рюкзак! А вот обещанный электрогенератор нам так и не доставили!

С утра снова накрапывает дождь, поэтому решили переоборудовать ставший уже обжитым балок под новых жильцов. Вместо пятих нар сделали большой стол для работы — до этого Юра довольствовался столиком на крохотной кухне. Мы с ним к некоторым неудобствам за две недели попросту привыкли, а вот вновь прибывшие взглянули на уют «цивилизованными» глазами. Предложили даже обтянуть полиэтиленовой плёнкой стены, поскольку сыплющийся из всех щелей мох постоянно приходилось стряхивать с одеял. В общем, как при каждом переезде в новое жилище, начали с простого благоустройства, а закончили капитальным ремонтом балка.

Потом, несмотря на морозящий дождь, спустили на воду привезённую лодку-дюральку и расконсервировали мощный японский мотор, который, к всеобщему удивлению, Виталий завёл практически сразу. Правду сказать, он и сам этому несказанно удивился! Так что завтра поплывём на своей лодке и в удобное для нас время, не согласовывая маршруты с буровиками или геологами. Наступает полная свобода действий, тем более что связь с лагерем осуществляется через дежурную рацию круглосуточно. В общем, пришли наконец-то свобода и самостоятельность — две желанные составляющие экспедиционной жизни.

Всю ночь шёл проливной дождь, который прекратился только перед завтраком. Крыша балка, как оказалось, на такой ливень тоже не была рассчитана, так что придётся заняться и её ремонтом. Накануне был сообщён расписан план работ на несколько дней вперёд, который не хотелось нарушать из-за такой мелочи, как окружающая сырость. Тем более что намечены измерения на трёх высоко расположенных точках и, по крайней мере, после такого дождя не жарко будет карабкаться вверх! Ко всем трём точкам будем добираться одновременно, причём вновь прибывшие, как и предписывает инструкция, пойдут вдвоём.

Ещё рано, солнце не успело выползти из-за гор, чтобы подсушить траву и кустарник. Когда-то привезённый мне в подарок из Красноярска настоящий альпинистский — то есть анатомический — рюкзак не давит на плечи, но болтающийся тяжёлый штатив постоянно цепляется за ягодные кусты и выступающие изо мха корни. Попробовал перевернуть — стал цепляться за ветки над головой, что ещё хуже. Сверху то и дело низвергаются потоки воды, и вскоре не только одежда промокает насквозь, но и в берцах начинает хлюпать. А ведь это ещё только начало пути! Но самое неприятное — это комары, которые вьются вокруг, настырно лезут в нос и в рот. Скольких я уже раздавил, а ещё больше, наверное, проглотил, ведь стоит глубоко вдохнуть воздух, как в горле оказывается сразу несколько штук. Не знаю, можно ли к ним привыкнуть и не замечать? Они и в тайге, и в лагере, и в балке — днём грызут, ночью грызут, даже в беспокойных снах присутствуют. В балке пытаемся спастись от них вонючими китайскими спиралями, которые каждый раз поджигаем перед сном. Комары надолго замирают на потолке, и, если не лень, основную часть их можно перебить. Оставшиеся же в живых будут мстить в темноте до самого утра.

И вот, судя по навигатору, наконец-то осталась последняя сотня метров по крутому склону. Впереди сквозь деревья просматриваются серые скальные останцы. На котором-то из них мне и предстоит заложить очередную марку. Координаты подходящей для конфигурации нашей сети

точки сняли вчера с карты, так что ошибиться невозможно. И под ногами уже не пружинящий матрац изо мха, а вполне неподвижная каменная поверхность, а вот и подходящая площадка! Вокруг висит туман, закрывающий всё вокруг, кроме ближайших лиственниц. Однако спутниковой системе видимость не нужна, а вот в прежние времена это был бы попросту бесполезный подъём — и пришлось бы терпеливо дожидаться открытия видимости.

Когда уже закладывал марку, снизу донёсся звук мотора. Это моторист Виктор привёз буровиков после завтрака на нижний створ. Вот так, в сравнении, сразу осознаёшь преимущество собственного транспортного средства. Пытаюсь связаться с другой командой по рации. Не отвечают — значит, ещё не поднялись до своей скалы. Устанавливаю над заложённой маркой приёмник на штативе, замеряю высоту... Всё, теперь остаётся только ждать, когда Юра выйдет на связь. А пока можно развести костёр и обсушиться и потом, уже в комфортном и благодушном состоянии, попить чайку, выполнить внешнее оформление точки.

Через туман понемногу прорисовываются окружающие вершины и даже лента Тимптона с преодолевающей течение лодкой. Это Виктор уже возвращается в лагерь. А вокруг открывается такая красота, что глаз не отвести. Поднимаясь вверх по логам, туман выделяет в первую очередь ближние планы. Сначала соседние скалы-останцы, а потом и противоположный берег. Вон, примерно на такой же высоте, словно бы группа башен крепостной стены, выстроившихся цепочкой по хребту. А лиственница с густой вершиной на одной из них напоминает поднятый на флаштоке штандарт. На которой-то из них завтра буду закладывать очередную марку...

Вскоре туман открывает весь извилистый Тимптон. Слева, из-за последнего видимого поворота, выглядывает часть нашего лагеря — до него километра четыре. Ближе, уже на моём правом берегу, видны следы былой деятельности буровиков. Они недавно перебрались на верхний створ, который прямо напротив меня: хорошо просматриваются квадрат вертолётной площадки и часть какого-то сооружения, прикрытого деревьями. А ещё ниже по реке пенным водопадом белеет устье бурного ручья. Дальше Тимптон круто поворачивает вправо, устремляется на юг — где-то там впадает в реку Алдан.

Стоя на краю отвесной скалы, невольно ощущаешь себя птицей, парящей высоко в небе. И то: внизу серебристая лента реки с искрящимися на солнце перекатами, по сторонам зелёные горы, украшенные каменными исполинами, а над головой бескрайний простор голубого неба...

Но вот и Юра вышел на связь, нужно включать спутниковый приёмник. Потом слушаю его

разговор с Виталием. Всё, можно уже разводиться костёр и обжуситься, вскипятить чай — в моём распоряжении где-то час. Успеваю напиться чаю с бутербродом, когда Юра снова выходит на связь. Пора сниматься и идти на нижнюю точку. Вниз, как это ни парадоксально звучит, часто идти труднее, а главное, опаснее. Ведь запросто можно поскользнуться на замшелом камне или сорваться с мокрой валежины. Но всего опасней спускаться по стелющемуся сплошным ковром ягоднику, под которым мох скрывает глубокие трещины и пустоты между камнями. Провалится нога в такую пустоту, а ты по инерции продолжишь перемещаться вперёд — и всё, запросто можно вывихнуть, а то и сломать ногу. И так, напомним, моё ободранное колено отзывается болью на каждую хлещущую ветку.

Наконец вижу через листву близкую реку и выбираюсь из кустов на каменистую косу — вместе с роем комаров. Спешно установив штатив с приёмником над точкой, спасаюсь от кровососов на обдуваемом ветерком камне, окружённом водой. Мысленно перебираю в памяти ближайшие планы. Если завтра закончим измерения на противоположном берегу, то предстоит уходить уже всё дальше и всё выше. Правда, небо продолжает хмуриться, так что далеко идущие планы строить не стоит. Всем известна шутка: «Не смешите Бога своими планами на завтра!» Но в каждой шутке только доля шутки, а остальное — это ведь печальный жизненный опыт.

Дождь, однако, так и не собрался, так что утром, как и планировалось, поднимаюсь по центральному профилю самого нижнего створа. Это почти тропа — во всяком случае, профиль давно и основательно натоптан. Что и немудрено, ибо по нему ходили геодезисты, геологи, геофизики, не говоря уже о вездесущих медведях. От людей на просеке затёски, вешки и колышки пикетажа, от зверей — неглубокие «закопушки», солидные ямы между корнями и продукты переработки пищи. А ещё встречаются укороченные гильзы патронов шестнадцатого калибра, использовавшихся геофизиками для микровзрывов. Каждый надолго оставил здесь свой персональный след!

На точке включаю рацию и снова убеждаюсь, что поднялся первым. Это радует, а то каждый вечер терзаюсь опасениями, что ушибленное колено может в конце концов подвести. Сегодня закончилась уже третья неделя, как мы с Юрой прибыли на Тимптон. Не скажу, чтобы надоело, но иногда уже представляю, как через пару месяцев вернусь домой, где практически нет комаров, где можно спать под одной лишь простыней, где в саду дождаются зреющие ароматные яблоки. И не только они, но и другие фрукты, ягоды, овощи. Какая же там благодать! Её начинаешь особенно ценить при долговременном отрыве. А пока сижу высоко на отвесной скале с «дневниковой»

тетрадью и бью ею самых агрессивных из комаров. Их трупы тут же деловито растаскивают спящие вокруг муравьи — хоть какая-то видимая польза от этих крылатых вампиров.

Ночью хлестал настоящий ливень, так что снова протекла крыша. На наше счастье, течь появилась только на кухне, и всё обошлось подставленным под водяную капель ведром. А вот в Тимптоне уровень подскочил сразу на несколько метров — и это означает, что сверху скатится очередная порция разнообразной рыбы. Так уж получилось, что наша база расположена между двумя перекатами, и когда мы сетями вычерпываем на нашем участке всю крупную рыбу, приходится ждать дождевого паводка с рыбным пополнением. А вообще-то её здесь оказалось не так много, как ожидалось.

Сегодня, по сравнению с предыдущими днями, работа физически очень лёгкая: связываю высокоточной нивелировкой реперы двух водомерных постов. Один расположен возле жилища гидрологов, второй — ещё в полукилometре ниже нашей базы. На нижний водпост каждый день ходит девушка-наблюдатель и утверждает, что последнее время за ней следит из кустов медведь. Медведь ли это? Хотя его следов в районе водомерного поста оказалось довольно много.

Несмотря на здешнюю глухомань, следы тех же оленей вдоль реки встречаются редко. Они, должно быть, предпочитают плато, где обильно растёт ягель, да и луж с талой водой предостаточно. А вот вольготно чувствующие себя медведи буквально затаптывают на песчаных косах наши следы. Трудно судить об их размерах, но возле одного такого следа я сравнил отпечаток своего резинового сапога сорок первого размера — и мой след оказался всего лишь на пару сантиметров длиннее. Думаю, что расклад внешних габаритов тоже не в мою пользу: медвежьи когти оставляют более глубокие выемки, чем каблуки моих берцев. Так что сами посудите: приятно такое соседство или не очень? Косолапые повсюду оставляют кучи экскрементов, раскапывают ореховые запасы бурундуков прямо на просеках, нисколько не смущаясь присутствием людей. За эти земляные работы их здесь и прозвали «лохматыми геологами»...

На границе развиваемой нами сети наткнулись на избушка-зимовье. Срубленная из довольно толстых стволов лиственницы, она приютилась рядом с впадающим в Тимптон белопенным ручьём. Сейчас охотникам здесь делать нечего, но с первым снегом завезут на снегоходе продукты — и на всю зиму станет избушка вполне уютным жилищем. Зимой она, должно быть, выглядит ещё более живописно, даже сказочно. Даже сейчас просится на художественное полотно под названием «Якутское жилище Бабы Яги». И вообще, зимой здесь, должно быть, очень даже красиво...

Зовут, зовут нехоженые тропы

Что неудержимо влечёт определённую категорию людей в изыскательские экспедиции, причём не только в бесшабашной молодости, но и всю долгую неустроенную жизнь? Один мой знакомый, пожилой геолог, как-то признался: «Люблю я свою профессию! Люди платят бешеные деньги, чтобы попасть в самую что ни на есть глухомань, хлебнуть по полной экстрима — а нам за это ещё и приличная зарплата полагается». А с другой стороны, это ведь долгие месяцы тяжелейших полевых сезонов, порой даже нескольких лет, проведённых на затерянной в тайге изыскательской базе. Значит, не только новизна окружающих пейзажей и слияние с природой влекут людей — этим-то успеваешь насытиться всего за несколько дней или недель. И так же останутся ярчайшие впечатления, долгие воспоминания... И уж точно не бытовые условия привлекают, которые в экспедициях очень далеки от привычного городского комфорта. А значит, манит что-то другое, более весомое и более значимое для человека. Может, непреодолимое желание вырваться из серой обыденности, стремление испытать себя на крепость характера, на несгибаемость воли? Наверное, каждый ищет в экспедициях что-то своё, и потому не услышишь даже двух одинаковых ответов...

Сегодня впервые поднимаемся значительно выше, чем наши самые высокие точки обоснования, — нужно привязаться к пункту государственной триангуляции «Пурга». Это изнурительный маршрут на весь день. На своей лодке мы на этот раз плыть не рискуем, поскольку после дождей уровень воды в Тимптоне скачет непредсказуемо. Просто привязанную лодку может бить о камни, а при худшем раскладе она вообще может затонуть. Оттащить же подальше от воды из-за огромных скользких камней тоже непросто. Так что под перекат нас доставил дежурный Виктор — и уплыл на базу. А когда вечером спустимся, то просто вызовем транспорт по рации.

Пройдя с полкилометра вдоль кипящего по всей ширине белой пеной переката, перебираемся через покрытый такими же пенными шапками ручей и начинаем подъём. Круто, потому идём галсами, друг за другом, и с трудом вытаскиваем ноги из толстого мохового ковра. Из-за частой смены направления приходится постоянно останавливаться и перевешивать штатив с плеча на плечо. В конце концов идущий позади Виталий перехватывает его у меня, чтобы дать отдохнуть. Но вскоре сам начинает отставать — так что отбираю у него этот неудобный, но давно уже ставший для меня привычным штатив.

Возле самой вершины нас встречает кольцо высоких каменных останцов. Будто якутский

таёжный дух строил здесь когда-то давным-давно стену вокруг своего жилища, в котором полом послужила горизонтальная и очень ровная каменная площадка. Но до завершения дело у него не дошло — крышей этого жилища до сих пор является небо.

Оставив Виталия с Колей закладывать марку, мы с Юрой идём дальше, ориентируясь по навигатору. Среди камней и лиственниц нам предстоит отыскать деревянную пирамиду. Склон уже не такой крутой, а дальше вообще начинается бескрайняя терраса, поросшая стланиковым кедром и лиственницами. Под ногами сплошным ковром стелется брусничник — такого его обилия в нашей саянской тайге просто не встретишь. И везде похозяйничал медведь: разрыты муравейники, перевёрнуты камни и валежины, под которыми он искал бурундучьи припасы. Но вот наконец-то и посеревшая от дождей, покосившаяся от древности пирамида. То есть то, что от неё осталось: настил прогнил, приборный столик рассыпался. Рядом валяется целая охапка металлических костылей, которыми скрепляют брёвна. Скорее всего, пункт когда-то возводился в конце полевого сезона и самым последним — отсюда и соответствующее название: «Пурга».

Названия триангуляционным пунктам дают чаще всего сами геодезисты — насколько им хватает фантазии. Как и небольшим ручьям. К примеру, ручей на карте, мало чем отличающийся от других точно таких же, носит название Икс. Не думаю, чтобы оно издавна укоренилось среди местных охотников-якутов — слишком уж далеко слово от традиционного охотничьего быта. Да я и сам грешен: когда-то в родном посёлке Майна разбивал участки под индивидуальное строительство на территории бывшей базы экспедиции и написал на схеме: «Переулоч Изыскательский». А на схеме застройки возле здания бывшего рудоуправления вписал: «Улица Соколовского» — в честь первооткрывателя месторождения медной руды. Так, судя по табличкам на домах, эти названия и закрепились навсегда.

Устанавливаем над центром в основании пирамиды прибор, и Юра вызывает по рации парней. Они тоже установили над только что заложенной маркой приёмник, поэтому включаем их — и можем готовить таёжный чай. Дугообразные сухие ветви стланиковых кедров, торчащие из моховой подушки, удивительно напоминают серые рёбра каких-то крупных животных, умерших давным-давно. Словно бы мы находимся на древнем кладбище динозавров. Зато в костре сухие «рёбра» горят очень хорошо, так что скоро вода в котелке закипает. На поверхности плавает более десятка наваристых комаров — так что пьём настоящий якутский чай.

Через час, закончив измерения, возвращаемся к парням. Как раз напротив скалы с заложенной

маркой, на противоположном берегу, видно устье ручья Курунг-Хоонку. На удивление полноводный, он просматривается по распадку на несколько километров. Прямо через устье проходит тракторная дорога: направо — к нашему лагерю, налево — тянется сначала над рекой по склону, потом выписывает зигзаги по логу и исчезает где-то вверху его. Дорога эта должна вести в посёлок Канкунский, иначе вообще непонятно куда и зачем проложена.

А пейзаж отсюда открывается просто великолепный: изгиб реки, высокая скала на переднем плане и устье широкого ручья на противоположном берегу. Достая из рюкзака свой «Canon» и снимаю, снимаю... Дело в том, что значительная часть фотоснимков оказывается подпорченной комарами, особенно если на переднем плане оказывается не один, а сразу несколько. Выглядят такими фантастическими пятнами: продолговатое, сужающееся в талии нечто с торчащими в стороны длинными щупальцами-лапами. Если пятно оказывается на фоне неба, то ещё можно потом попытаться удалить, в противном же случае снимок безнадежно испорчен.

На подъёме постоянно смотришь вниз, под ноги, зато на спуске перед глазами открывается простор — и обращаешь внимание на детали окружающего пейзажа. Так, мёртвых деревьев на склоне не меньше, чем живых. И снова задаёшься вопросом: то ли давнишние пожары стали виновниками их гибели, то ли высушили ветры и студёные морозы? А может, сказывается то, что расти им доводится на почти голых камнях? И вообще, в который раз удивляюсь, как здесь, на мерзлоте и камнях, выживают растения и животные!

С каждым днём работаем всё выше и всё дальше от реки. Сегодня поднимаемся вверх по склону прямо от нашего балка. За миллионы лет река прорезала глубочайший каньон шириной в пару километров, и нам до первозданной равнины предстоит подняться почти километр по высоте.

Оставляем Виталия с Колей на возвышающейся над деревьями скале — закладывать марку, а сами идём дальше, на площадку будущего посёлка энергетиков. Потом продвинемся ещё, насколько это возможно, чтобы при вертолётной заброске не наматывать лишние непредсказуемые километры. И надо поторапливаться, потому как после полудня недостаточно навигационных спутников над головой, а от их количества напрямую зависит точность определения координат. Да, среди гор выполнять работы, связанные со спутниками, очень непросто.

Едва заканчиваем измерения на площадке будущего посёлка, как начинается дождь, как всегда неожиданно. Просто это какой-то неправильный дождь, ведь утром барометр показывал высокое давление — а мы привыкли доверять приборам. В общем, к балку спускаемся с Юрой снова

промокшие до нитки. Издалека слышав нас, внизу залаял Соболь, который теперь постоянно ошивается возле нашего балка — видимо, наша компания его устраивает больше, чем старожилы лагеря. Да и вкусные подачки, которые он получает от каждого из нас, тоже играют не последнюю роль. Юра в ответ зарычал по-медвежьи — и Соболь сразу умолк. Скорее всего, убежал к столовой, зная даже, что сейчас там никого нет. Под защиту поварихи, не иначе?

Но самое непонятное, что Виталий с Колей ещё не пришли, хотя спускаться им значительно меньше нашего. Неужели с ними что-то случилось? Пытаемся связаться по радию — безуспешно. И только минут через пятнадцать вдали показался Виталий. Почему один? Однако паника оказалась напрасной: позади из кустов выныривает и Коля. Ну слава Богу! А то за неопытных коллег всегда переживаешь больше и накручиваешь в голове разные страхи-ужасы.

Прошло уже три недели напряжённой работы. Работаем, если позволяет погода, «от и до» — то есть к вечеру выматываемся донельзя. Но сегодня, по всем прикидкам, предстоит самое трудное из восхождений, а именно на триангуляционный пункт «Терпеливый». Название происходит от соседствующего одноимённого ручья — если, конечно, и его название не возникло первоначально на карте стараниями геодезистов. Судя по отметке, подниматься нужно восемьсот метров от воды по каменистому хребту, потом ещё с километр по плоскогорью. Так что не только многообещающее название, но и сам предполагаемый маршрут настраивают на предстоящие нагрузки.

Поэтому и в столовой появляемся раньше всех. Потом быстро, но без суеты грузимся в свою лодку. Вода после дождей довольно высокая, поэтому с ходу проскакиваем мели и причаливаем в самом верху переката. Таким образом, пеший маршрут полноводье нам изрядно сократило, вот только при высокой воде к месту подъёма приходится пробираться не по бечёвнику, как обычно, а тайгой. Так что выигрыша во времени на самом деле не получается. Тем более что склон лога, по которому течёт Терпеливый, не только зарос кустарником, но и довольно крут. С другой стороны, что эти несколько сотен метров по сравнению с тем, что нам предстоит впереди?

Примерно на трети подъёма устанавливаем над заложённой ранее маркой штатив с приёмником. Оставляем его включённым, а сами карабкаемся дальше по каменистой гряде. По пилообразному скальному хребту передвигаться нелегко, но логá справа и слева сплошь заросли стлаником и карликовыми берёзками, через которые пробираться ещё труднее и утомительнее.

Неожиданно в зарослях заметили дикушу — каменного рябчика. Птица очень доверчива и из-за

этой доверчивости давно попала в Красную книгу. Среди охотников есть даже заповедь: стрелять дикушу только в самом крайнем случае. Вот если ты оголодал в тайге, а патронов уже нет, то можешь воспользоваться простой длинной палкой с петлёй на конце. Медленно накидываешь петлю глупой птице на шею — и добыча, а возможно, и спасение, у тебя в руках. Достая из рюкзака фотоаппарат, а Юра обходит птицу с тыла, чтобы не убежала. Нет, мы вовсе не собираемся на дикушу охотиться — просто фотографируемся рядом с ней, в какой-нибудь паре метров. Почти что селфи.

И снова карабкаемся вверх: то по теряющейся на каменистом гребне звериной тропке, то напролом через кустарник. По тропе идти, конечно, легче, но она часто теряется среди скальных выходов или просто уводит в сторону. И повсюду следы здешней жизнедеятельности: то медвежьи «раскопы» среди камней, то кучки кабарожьего помёта. Похоже, этот несуразный маленький олень с клыками водится здесь в изобилии.

Наконец, промокнувшие от росы и пота, добираемся до нужных каменных останцов. И как будто идём вдоль галереи каменных скульптур. Изначально земная стихия создала причудливые заготовки, громоздя огромные камни один на другой, а скульптор под именем Время, не ставя своей целью добиться полной детализации, всего лишь подправил кое-что. Это наверняка был весёлый художник, потому и произведения его вызывают улыбку. Тут и округлый бегемот, и припавший к земле лев, и приготовившаяся к прыжку лягушка, и даже всадник верхом на перекормленном коне. Дети со своей неуёмной фантазией наверняка разглядели бы ещё кого-то, моя же фантазия уже не так изощрённа.

Сверяемся по навигатору — вот оно, нужное место! Координаты отдельной возвышающейся скалы сняты с карты, а иначе задача сориентироваться среди зарослей стланика, каменных завалов и разбегающихся от вершины распадков была бы не из простых. Здесь будет, согласно проекту, будущий карьер камня для отсыпки плотины. Оставляем Виталия с Колей закладывать марку и идём с Юрой дальше. Выше седловина: опять карликовые берёзки, стланик, каменные останцы. Стланик — это множество лохматых смолистых веток, растущих прямо из корня и наклонённых, как правило, вниз по склону. Так что продираться приходится «против шерсти» и не видя ничего впереди, а особенно под ногами. А ведь впереди могут быть и глубокая трещина между камнями, и приличной высоты обрывчик. Стоит лишь отвлечься на протаскивание цепляющегося за ветки штатива или просто на смахивание пота с кончика носа — и, как говорится, огребёшь по полной. Да ещё и торчащие сухие ветки норвят уткнуться в не зажившее ещё колено. Так что зевать не приходится!

Едва выбираемся к высокой двухъярусной пирамиде, как на нас накатывает пелена тумана с дождём. Деревянная пирамида, как и все предыдущие, на ладан дышит — от старости частично уже развалилась. Так что, откапывая под ней марку-центр, то и дело поглядываем вверх, чтобы не прилетело что-нибудь тяжёлое по загревкам! Юра устанавливает прибор, даёт команду на включение Виталию... Всё, теперь можно обсушиться, если, конечно, удастся развести костёр в этой сырости.

Но солнце вскоре пробивает своими лучами плотную туманную пелену. Такая вот непредсказуемая и неправильная погода на Тимптоне, такие неправильные дожди при высоком атмосферном давлении. Срочно, пока видимость снова не исчезла, Юра выполняет угловые измерения — я же принимаюсь за разжигание костра. С сожалением констатирую, что трёхлитровую ёмкость с водой для приготовления чая я тащил в рюкзаке напрасно — чистой воды здесь предостаточно в емкостях на каменных плитах. Используя весь свой таёжный опыт, костёр я всё-таки разжёл. А когда вскипел ароматный чай и из рюкзака извлечены нехитрые, но калорийные припасы, жизнь кажется прекрасной. Как поётся в одной из песен популярного барда Юрия Кукина: «Здесь таёжные запахи, а не комнаты затхлые...» Действительно, после дождя в воздухе насыщенный запах кедра и багульника, а под ногами живой ковёр брусничника. Жаль, что мы уедем до того, как ягоды нальются красным живительным соком, — а значит, всё это богатство достанется птицам и медведям.

Здешний густой стланик не только труднопроходим, но и выглядит пугающе. Когда видимость в его густых дебрях составляет всего три-пять метров, а под ногами, кроме уже пустых шишек, встречается медвежий помёт, пусть даже и не совсем свежий, то остаётся надеяться лишь на то, что у здешних косолапых хорошие слух и нюх. А главное, что они не жаждут встречи с людьми. Так что стараюсь особо не углубляться в кедровые заросли, а бреду с фотоаппаратом вдоль них. Неожиданно в полусотне метров с громким «хохотом» взлетают две крупные птицы: коричневатый окрас, более светлые крылья... Да это же белые куропатки в летнем оперении! Значит, где-то поблизости притаился и их многочисленный выводок.

Наконец прибор подаёт сигнал, что цикл измерений закончен, можно собираться в обратный путь. Итак, ещё одна привязка сделана, ещё один день нашей командировки позади.

После дождя ещё большее внимание начинают обращать на нас комары. За каждым тянется шлейф из них — этакое светящееся в солнечных лучах и словно бы пульсирующее облачко. Те, что предпочитают не лететь, а путешествовать на нас, сплошь облепляют одежду и рюкзаки. Открытые же участки тела нестерпимо зудят,

причём неизвестно, от чего больше — от укусов или от нанесённой мази-репеллента. Такое вот каждодневное испытание на терпеливость!

Лодка лежит на камнях, поскольку за время нашего отсутствия уровень воды упал где-то на полметра. Дружно стаскиваем её, грузим рюкзаки, запрыгиваем сами. И тут самый молодой и неопытный, то есть Коля, совершает роковую ошибку — отталкивается шестом от берега, хотя лодочный мотор ещё не запущен. Стремительное течение несёт нас в кипящий перекат, Виталий несколько раз безуспешно дёргает тросик стартера, потом кричит:

— Держите лодку!

Выхватываю у растерявшегося Коли шест и что есть силы упираюсь в каменистое дно. Удалось чуть притормозить перед грядой валунов и пенными струями, перекатывающимися через них, — и тут, наконец, мотор оглушает окрестности своим рёвом. Слава Богу, обошлось!

В столовую приходим последними, когда все поужинали, а мокрую одежду стаскиваем с себя в балке уже в сумерках. Сушить будем завтра — сегодня не до того. От сытости, что ли, на всех навалилась усталость, так что даже с залетевшими немногочисленными комарами воевать нет желания. Скорее, скорее в сухую и уютную постель...

Шрамы на лице природы

Существует интересный парадокс: каждый из нас по отдельности ратует за сохранение природы, а сообща мы её методично уничтожаем. Зачастую не особо задумываясь о собственной роли в этом процессе. Как-то мне с коллегой-изыскателем довелось очутиться в такой таёжной глуши, что словами трудно описать, — есть ещё немало таких мест по нашей мамушке-Сибири. Оказались там, конечно же, не без помощи вертолётца. Осмотревшись, коллега восторженно заявил: «Возможно, мы первые люди на этом кусочке Земли! И оставим здесь первые человеческие следы. В наше время, как мне кажется, это уже такая редкость!» А потом мы наткнулись на две пустые бутылки из-под водки. Увидев их, товарищ даже расстроился: «Не то обидно, что не мы первые, а то, что им другого места не нашлось, чтобы водки выпить. Эти бутылки и нести-то сюда пришлось за десятки, если не за сотни километров». Так что вот он какой, экологический парадокс!

Развешенная на улице одежда за ночь, конечно же, не высохла. Да и погода с утра очень неконкретная: густой вязкий туман, через который солнце вообще не видно. Так что отправляться в дальний маршрут по горам рискованно, а работы поблизости уже практически все переделаны. Поэтому решаем заняться бытовыми проблемами,

то есть топим печь, ремонтируем крышу, стираем одежду и развешиваем её на просушку уже в балке. Виталий пошутил, что у нас здесь три главных занятия: лазаем по горам, сушимся и спим.

Сегодня последний день июня, но я впервые натянул шерстяной свитер. С севера дует всё усиливающийся ветер, который, похоже, не только уносит туман, но и гонит к нам несметные полчища голодных комаров. Даже вчера, на горе, их вроде бы было поменьше. С каждым из нас они «просачиваются» в балок, так что пришлось даже днём поджечь спираль, предназначенную для борьбы с этими кровососами. Неизвестно, из чего её прессуют китайцы, но мы уже подметили, что и на людей дымок действует наркотически: сначала лёгкое головокружение, потом наступает лёгкая эйфория. Комары, правда, прекращают полёты и неподвижно замирают на потолке, где их легко перебить хлопущей. Но возникло предположение, что и мы к концу сезона будем так же замирать в самых нелепых позах. Ведь коробок с этой китайской отравой на складе ещё предостаточно.

После обеда сидим с геологами на крыльце и показываем в бинокль установленные на пунктах геодезического обоснования вехи. Сразу следует шутка, что эти кресты поставлены нами в память об уже «почившей в Бозе», не будучи ещё построенной, Канкунской ГЭС. Есть, оказывается, и среди нас знатоки церковнославянского языка. Но ведь и в самом деле — слишком уж много неопределённостей с этим проектом: и с размещением строительных площадок, и с финансированием. Мы, геодезисты, до сих пор работаем как бы вслепую, поскольку задания то и дело меняются. Так что геодезические плано-высотные пункты могут понадобиться совсем в других местах, а не там, где мы их закрепили. Конкретно лишь то, что гидростанция здесь практически не наносит ущерба природе: места безлюдные, лес никакой, а животных и птиц откровенно мало. Где и строить, если не в таких пустынных местах? Правда, эта плотина будет лишь верхней в каскаде, если со временем возрастёт потребность в электроэнергии. Но это уже, скорее всего, даже не при нашей жизни...

Второй день отдыхаем — теперь уже вынужденно. Вчера стирали и сушились, а ночью пошёл-таки дождь, который продолжает моросить. В балке прохладно, поэтому топим печь. Занимаемся мелким ремонтом одежды и геодезических принадлежностей, то и дело пьём чай и кофе, своевременно ходим в столовую. Больше и делать-то нечего, поскольку электричества нет, а обещанный нам электрогенератор доставлен пока лишь на склад экспедиции в Чульмане. Даже литературным творчеством не больно-то займёмся, поскольку заряд аккумулятора в ноутбуке хватает всего на пару часов. Хорошо ещё, что в моём мобильном телефоне

оказалась папка с бардовскими песнями. Поместил его в жестяной тазик — звук стал довольно громким. Тут же родилась шутка, что мы создали конкурента «Мегафону» под названием «Газофон». Слушаем душещипательные песни о бродягах, об экспедициях — то есть о нас. Когда-то в студенческом общежитии Ленинградского института авиационного приборостроения я наслушался их до такой степени, что сменил будущую оседлую профессию авиационного инженера на бродячую геодезиста-изыскателя. Правда, с тех пор ни разу об этом не пожалел.

Всё когда-нибудь да кончается — вот и дождь закончился. Рано утром плывём в своей лодке на ручей Курунг-Хоонку, где начинается дорога, которая от устья ручья уводит по горам в тот самый, сохранившийся лишь на карте, посёлок Канкунский. Это, будем надеяться, последний серьёзный подъём для нас, а потом на плато нас должен будет забросить вертолёт. Причаливаем на противоположном от лагеря, обжитом людьми берегу ручья. Именно здесь намечена площадка будущего гравийно-песчаного карьера, поэтому временно сконцентрировано хозяйство буровиков: жилища, цистерна с горючим, буровые трубы для угь.

Едва устанавливаем над точкой приёмник сигналов, как снова начинает неуверенно накрапывать дождь. Но не возвращаться же назад, в лагерь? Надоело уже бездельничать, и мы, в душе надеясь на лучшее, направляемся вверх по заветной дороге. Здесь, на выклинивании, она выглядит не то чтобы некрасиво, а просто ужасающе: за несколько лет трактора разрушили верхний почвенный слой, и мерзлота начала активно таять. Потом почва сползла с дождевой водой вниз по склону, и образовался многометровой ширины карьер с обрывистыми берегами, по дну которого сбегает невзрачный ручей. Так вот оборачивается человеческое вмешательство в царство вечной мерзлоты! Единственное, что идти по дороге всё-таки легче, чем по мху.

Далее, на склоне, тракторная дорога уже каменистая, поэтому выглядит поприличней. Да и окружающий пейзаж завораживает: среди выступающих из тумана лиственниц крутая-прекрутая дорога красноватого цвета уводит прямо в молочное небо. И на сыром от ручейка грунте то и дело встречаются опечатавшиеся олени и медвежьи следы, говорящие о том, что не только нам тут удобно ходить.

По пути увидели брошенные металлические сани для вездехода и металлические же нарты для «Бурана», прислонённые к дереву. Наверное, следы завоза оборудования в наш лагерь? А наверху, на перегибе рельефа, очередная вертолётная площадка. Чего только на ней нет: и ящики из-под оборудования, и буровые трубы, и пластмассовые ёмкости, и немало другого мусора. Связано это

с давнишними поисками слюды или уже с изысканиями под проект ГЭС? И, возможно, всё это натворили наши коллеги? Конечно, это ведь не собственная квартира и даже не личный садово-огородный участок...

Оставив Виталия с Колей закладывать марку, идём с Юрой дальше, на пункт государственной триангуляции. Судя по карте, до деревянной пирамиды ещё пара километров. Дорога представляет собой две заполненные водой глубокие колеи по которым идти просто невозможно. А между ними мягкий грунт громко чавкает, засасывая обувь до самого льда. Юра вспоминает, что два года тому назад здесь было совсем сухо. Но, возможно, дело вовсе не в глобальном потеплении, а просто в этом году выпало больше дождей?

Впереди неожиданно взлетает крупный терев-глухарь и усаживается неподалёку. Судя по нему, лесные жители с прошлого охотничьего сезона уже подзабыли о людях, поэтому не очень-то нас боятся. Вокруг дороги расстилается ковёр цветущей брусники, среди которого белые полянки ягеля, на ветках стланика созвездия почти налившихся кедровых шишек — они ещё зелёные, и их не так много.

А вот и почерневшая от времени деревянная пирамида. Она тоже на грани разрушения: визирный цилиндр покосился и держится на честном слове. Сворачиваем с дороги и направляемся к ней через густые заросли стланика — точнее сказать, с трудом продираемся сквозь переплетение веток. Стланик здесь вдвое выше человеческого роста, и кругом валяются сухие прошлогодние шишки. Ясно, что уже без орехов, которые вышелушили бурундуки и кедровки. Да и встречающийся старый медвежий помёт говорит об ореховом пристрастии косолапов.

После завершения измерений возвращаемся к парням — и вниз. Погода к этому времени окончательно наладилась, поэтому спускаться даже комфортно. И быстро, поскольку вверх Виталий поднимался с частыми остановками из-за давно прооперированного колена. А спускается теперь довольно резво, да и меня колено почти не беспокоит.

Неожиданно впереди взлетает дикуща, а следом и её многочисленный выводок. Птенцы разлетелись, а мамаша уселась возле самой дороги и внимательно разглядывает проходящих мимо людей. И даже не собирается улетать, несмотря на то что между нами всего несколько метров! Очень уж доверчивая или, возможно, очень уж глупая птица!

Лагерь встречает нас приятной новостью: завтра прилетит вертолёт. Если доставят всё, что было заказано, то ещё через три-четыре дня предстоит наша заброска на плато. И это будет пик наших работ в предусмотренном заданием объёме.

Наконец-то прибыл долгожданный инверторный генератор мощностью один киловатт. Он довольно экономичный, расходует всего шестьсот граммов бензина в час. Ну, теперь-то мы полностью автономны в смысле потребления электроэнергии! И, конечно же, прибыло снаряжение временного пользования на тот дальний участок: спальные мешки, палатка, тент, посуда.

Мы уже который вечер тщательно готовимся к этой вертолётной заброске: отмечаем на карте характерные возвышенности и вносим в навигаторы координаты будущих «периферийных» марок. Ксерокопии карты будут вручены каждому персонально, чтобы потом не возникало «дурацких» вопросов и путаных ответов на них. Сроки работ точно не определены — то есть с момента вертолётной заброски и до «победного». Скачивать данные с приёмников и производить вычисления предстоит при помощи ноутбука, батареи которого заведомо не хватит, а повторная заброска вертолётном может попросту не уложиться в смету. Так что в случае недостатка точности измерений всё придётся тащить туда уже на себе! Значит, все измерения необходимо обработать на месте. А значит, придётся брать с собой и наш электро-бензогенератор. Кроме того, на сроки могут наложить свои коррективы и погода, и сложность маршрутов, и уйма непредвиденных сдерживающих факторов.

Ближе к вечеру главный геолог Ирина Красовская долго и безуспешно пытается дозвониться по спутниковому телефону до Санкт-Петербурга. Дело в том, что дальше месторождение стройматериалов главный инженер проекта собирался перенести поближе или хотя бы уточнить его местоположение. До уже намеченного нам придётся тащиться от места высадки восемь непростых километров — и это только в один конец. То есть придётся ночевать где-то без палатки и спальников.

Но это всё завтра, а пока за стеной монотонно тархтит генератор — проходит тестовую обкатку. И я наконец-то могу заниматься повестью в любую свободную минуту и даже допоздна. Дождь вроде бы начинает понемногу стихать. Может быть, он уже весь вылился за эти несколько дней?

Утром, после завтрака, под всё так же морозящим дождём переносим упакованное снаряжение на вертолётную площадку, накрываем брезентом и уходим в балок. А вечером, так и не дождавшись транспорта, всё перетаскиваем назад. Завтра процесс повторится...

Людей здесь не встретишь

Есть страны настолько густо заселённые, что там необычайно трудно уединиться. И есть степные территории, на которых каждого встречного видишь едва ли не за десяток километров — и с большой долей уверенности сможешь предположить, что он «потерял» в этом безлюдье.

А ещё есть места на нашей планете, где много дней, а то и месяцев не встретишь никого, как бы ты этого ни хотел. И если всё-таки случайно пересекётся пути, то очень трудно будет даже предположить, с какой целью этот человек здесь оказался: вдали от населённых пунктов, от дорог и от других людей. Именно таковы окрестности якутской реки Тимптон.

Завтра исполняется месяц, как мы высадились на Тимптоне. С утра опять сидим на вертолётной площадке под непромокаемым тентом. Горизонт сер и уныл — идёт обложной дождь. И такое ощущение, что комары со всей округи тоже собрались под этим спасительным тентом. Как только устаёшь отмахиваться и замираешь на несколько мгновений, противоэнцефалитный костюм тут же начинает обрастать живым серым «ворсом» Коричневая кофта Виталия на спине словно бы проросла короткой шерстью — даже смотреть на такое не хочется!

Как и было обещано, вертолёт на этот раз возникает на горизонте ровно в десять часов. Видимо услышав небесный гул, тут же появляется геолог Ирина и сует Юре изменённую схему. Слава Богу, успела, а то пришлось бы долго и нудно вводить коррективы по радиции! Да ещё будет ли там устойчивая связь? Но, выходит, напрасно мы накануне снимали координаты точек, и старательно занесли их в навигатор? Теперь всё это придётся повторять уже на месте!

Грузимся. Вертолёт взлетает и сразу начинает резко набирать высоту. Вот уже и кромка коренного берега. С одной стороны в иллюминаторах круто уходящий вниз склон и узкая лента Тимптона, с другой — уныло-монотонная зелёная равнина с редкими деревьями. По ней сходятся и расходятся те же загадочные многочисленные тропы: то ли олени маршруты, то ли русла весенних ручьёв. С мерзлотой ведь дело обстоит так: стоит раз нарушить моховой ковёр, как летом увеличивается глубина протаивания вековой мерзлоты. Прошёл один олень — появится едва заметная канавка, прошло стадо — уже узкое извилистое русло с водой, а где ходят постоянно, там летом побежит ручей в полметра глубиной.

Покружив, пилоты наконец-то выбирают место для посадки — и очень медленно, буквально по сантиметрам, снижаемся. Из мохового одеяла везде выступают крупные камни, и стоит колесу попасть в щель между ними, а винту накрениться... В общем, лучше даже не представлять всех возможных последствий!

На всякий случай двигатель не глушат, поэтому быстро-быстро выбрасываем на мох всё снаряжение и отбегаем в сторону. Когда вертолёт улетает, обнаруживаем в куче своих вещей мешок с меховыми спальниками пилотов — кто-то выбросил

в суматохе. Да-а, будут ещё разборки с вертолётчиками по поводу этих спальных мешков!

Находим неподалёку, среди больших камней и кустов акации, более или менее ровную площадку под палатку. Вырубив всё торчащее, переносим вещи и приступаем к обустройству лагерного быта. Пусть жить нам здесь придётся всего несколько дней, но некоторый комфорт не помешает. Тем более что снова начинает накрапывать дождь. Осмотреться можно и потом, а пока приходится торопиться.

Когда установлена палатка и натянут тент, можно полюбоваться и на окружающую природу. Хотя, честно говоря, смотрят не на что. Там, где предполагаемый Тимптон, непроницаемо-белый «кисель» тумана не вмещается в речной каньон и выпирает горбом, над которым висят обрезанные серые вершины дальних гор. Таким образом, туман образует как бы ещё один, промежуточный, хребет. А в другой стороне наша выцветшая палатка с пристыкованным к ней голубым навесом — будто длинная несуразная лодка плывёт по просторам неподвижного зелёного океана.

Вечером, после ужина, долго сидим у костерка. Ведём не очень связный, зато в меру философский разговор ни о чём. Как когда-то в долгой и незабываемой экспедиционной жизни: в Казахстане, на Дальнем Востоке, в южной Сибири... А теперь вот и в Якутии.

Утром, слава Богу, выглянуло солнце. Ночью было довольно прохладно, и сейчас от земли, насколько видит глаз, поднимается пар. Что ни говори, а это всё-таки первая декада июля. Хотя местные и говорят, что июнь в Якутии — ещё не лето, а июль — уже не лето. После лёгкого завтрака отправляемся в свой первый маршрут. Всё время приходится держать ухо остро, поскольку после дождя довольно сыро: где-то подо мхом звучно чавкает вода, а где-то он норовит предательски соскользнуть с гладкой поверхности камня. И тогда неожиданно падаешь на этот камень, выставив руки вперёд, а следом догоняет увесистый штатив — и больно бьёт по спине или по затылку. Так что неизвестно от чего одежда намокает больше: от росы или от постоянного напряжения.

Если бы не навигатор, то найти предварительно намеченные точки закладки было бы крайне проблематично. Да и назад, к лагерю, вернуться по этой равнинной, поросшей стлаником и акацией местности стало бы тоже непросто. Так что без спасительных навигаторов каждодневно предстоял бы маршрут под названием «Тропой Сусанина». По оленьим тропам, как оказалось, идти всё-таки легче, вот только они постоянно расходятся, петляя и уводя в сторону от нужного направления.

Закрепляя в больших камнях и возвышающихся скальных останцах марки, прокладываем

полигонометрический ход к намеченному на карте месторождению и площадкам будущих посёлков. Я с угловым отражателем на раздвижной штанге иду впереди. После того как Юра выполняет измерения на мой отражатель, высматриваю в бинокль возвышенность или хотя бы линию прямой видимости — и ухожу дальше. Если бы не рации, проблем было бы тоже предостаточно, а так всё просто: место найдено, видимость есть, остаётся сделать пробойником неглубокое отверстие в большом плоском камне и закрепить в нём марку. Устанавливаю над ней штангу с отражателем и, пока Юра проводит измерения, изготавливаю веху с подпорками, делаю белой краской надпись на камне. Возле каждого пункта оставляю небольшой костерок — чтобы идущие следом Виталий с Колей могли немного обсушиться. Да и ориентироваться по дыму легче.

Это сверху, с вертолёта, местность выглядит до унылости однообразной, а вблизи моховой ковёр поражает своими яркими красками. На зелёной «лохматой» подстилке белые шарики оленьего ягеля, веточки брусники и клюквы, крохотные цветочки с резными соцветиями-звёздочками, маленькие «ушки» каких-то ярко-красных грибов, узоры лишайника на проглядывающих сквозь мох камнях. И всё это природа скомпоновала так, как не сможет ни один дизайнер. Остановился, направил объектив фотоаппарата под ноги, сделал снимок — и вешай потом в рамке на стену квартиры или на фотовыставку. И наверняка не найдётся такого зрителя, который равнодушно пройдёт мимо, ведь даже самый талантливый художник-пейзажист всего-навсего копирует мастера, то есть природу.

Неожиданно пересекаю старую вездеходную дорогу. Сколько же вокруг неё наломано, накурочено, нагажено! То, что я описывал вокруг дороги от устья ручья Курунг-Хоонку, — это, как я теперь понимаю, были просто «детские игрушки». А здесь кучи выбуренного керна возле скважин, разбросанные буровые трубы, сработанные буровые коронки, пустые бочки и канистры. А рядом вырублена вертолётная площадка величиной с аэродром, на которой целая куча большущих бочек с маркировкой «Лукойл». Вот так бывает: поверх потрясающего природного ковра-гобелена набросана жутковатая картина с названием «Следы человека» или «Апокалипсис природы»!

Справились с заданием всего за два дня — правда, работали от зари до зари, поскольку давно убедились, что здешняя погода всегда непредсказуема. Завтра утром уходим в лагерь, унося с собой, кроме приборов, нужные в дальнейшей экспедиционной жизни вещи. Всё унести просто нереально, поэтому руководство разрешило сплести палатку, тент и малоценные мелочи. На всякий случай упакуем и накроем тентом — в надежде, что когда-нибудь всё заберёт вертолёт. Среди прочих,

кстати, и меховые спальные мешки вертолётчиков. А уж за ними-то они наверняка прилетят, если даже придётся отклониться от утверждённого маршрута. Чтобы не таскать понапрасну геодезические принадлежности и топоры оставили сегодня на точке, которая расположена как раз на нашем пути в лагерь. Это примерно посредине между палаткой и Тимптоном.

Ужинаем с освещением — завели электрогенератор. Сливать бензин, то есть вредить экологии, не хочется, а тащить горючее назад нет ни смысла, ни чьих-то физических сил. Генератор с самого начала решено было возратить в лагерь, ибо уже не представляем жизнь без постоянного наличия электроэнергии в балке. Ко всему хорошему привыкаешь очень быстро, и возвращаться потом в «пещерный век» уже не хочется.

Настроение у всех отличное, даже весёлое. Вот и сейчас, разглядывая отражение своей бородатой и покусанной комарами физиономии, за неимением зеркала, в чашке из нержавеющей стали, изрекаю:

— Дожил, уже физиономия в чашку не влезает!

И все долго хохочут над шуткой. Это смех облегчения, ведь всё прошло удачно: работы на плато завершены, и, слава Бору, все целы и здоровы. Даже погода установилась и не предвещает дождей. Будем надеяться, что хотя бы на завтра.

В последний раз созерцаем здешний вечерний пейзаж. Когда через частокол почти голых лиственниц на горизонте неожиданно проступает цепочка розовеющих в закатных лучах облаков, то рука непроизвольно тянется к фотоаппарату. Ибо только небо и может изменить, может оживить здешнее однообразие. Сколько потрясающих пейзажей с облаками я видел в степи под Байконуром, когда, казалось, это расплавленное золото стекало за быстро темнеющей сопки! Сколько огненно-красных восходов и закатов наблюдал я из палатки в степях Тувы, Хакасии и над отражающим их зеркалом Байкала! Не это ли одна из причин, что, приехав домой из очередной командировки, с нетерпением ждёшь другую? Потому что там, в степи или в тайге, сам воздух пахнет иначе и время течёт по-другому. Там и жизнь совсем другая: более яркая, более насыщенная и как будто более значимая...

Утром сложили на подстилку из кедровых веток и накрыли тентом то, что оставляем здесь. Основательно придавили края тента большими камнями — это от ветра и от любопытных медведей. Хотя что им эти камни? Правда, есть надежда, что вертолётчики всё заберут раньше косолапых: во-первых, мешки у них в подотчёте, во-вторых, меховые стоят довольно дорого.

Нести генератор доверили самому молодому и самому спортивному — то есть Коле. Это вовсе не говорит о том, что наша поклажа намного легче, ведь впереди нас ждут ещё штативы, топоры. Коля рванул было впереди всех, но его тут же

направили в конец цепочки, поскольку генератор, даже через рюкзак, невыносимо воняет бензином. До чего же чутким и избирательным стало у всех обоняние после протяжённой жизни в тайге! Ну, у меня и Юры — это понятно, но питерец Виталий, похоже, тоже начал выпадать из когорты горожан...

Через пару часов вышли наконец-то на бровку коренного берега. А дальше путь ведёт вниз, где опять подвижные осыпи-курумники, предательски скользкий мох на камнях, оплетающий ноги ягодник, цепляющие кустарники и поваленные деревья. Подмечаем, что в районе лагеря над Тимптоном висит мрачная туча, из которой тёмной наклонной полосой идёт проливной дождь. Глядишь туда — и небо снова кажется низким, снова возникает иллюзия, что часть облаков висит ниже нас. Хотя это и немудрено, ведь мы на целых восемьсот метров выше уровня Тимптона!

И тут же, в начале спуска, натываемся на свежий медвежий «раскоп». По этому поводу Юра даже вспомнил анекдот:

— Человек заблудился в тайге, кричит: «Есть здесь кто-нибудь? Отзовитесь, а то мне страшно». Медведь хлопает его по плечу: «Ну я здесь. Что, легче стало?»

До лагеря, казалось бы, недалеко, но спуск кажется бесконечным. Наконец где-то внизу залаял Соболь. Значит, почти пришли. Как же хорошо снова очутиться среди людей, в столовой или в уютном балке!

Погода с утра настоящая летняя: тихо, солнечно. Тем не менее решили устроить день отдыха, поскольку в сроки заведомо укладываемся, да и веский повод есть — сегодня мой день рождения. Пусть не юбилей, но как-никак, а шестьдесят один год стукнул. С утра протопили баню, потом приготовили нехитрое угощение из свежейопиманной рыбы. Не зря же я вёз из Майны и тщательно хранил всё это время литровую бутылку водки «Немиров». Да и гости неожиданно подтянулись — это геологи Юра-якут, Ирина и Ольга с устья Курунг-Хоонку. В общем, получился даже небольшой таёжный праздник с тостами и подарками. А ведь при каких только обстоятельствах не приходилось мне встречать свои дни рождения: даже в самолёте, даже в поезде. Иногда не то что угощению, а обыкновенному хлебу был рад — если пришлось застрять где-то в глухой тайге. Правда, бывали и грандиозные юбилеи с множеством гостей и богатым столом. Но больше запоминаются именно такие: в небольшом кругу коллег и с таёжными деликатесами. Таковых в моей жизни было, конечно же, намного больше.

Оставляем здесь сердца частицу

Время — странная субстанция: когда дни загружены до предела, насыщены событиями, работой, то они летят незаметно. И наоборот,

дни, которые и вспомнить-то нечем, будто ты их проспал беспробудным сном, тянутся и тянутся... В общем, несмотря на трудные маршруты, частые дожди и яростные атаки комаров, полтора месяца нашей работы на площадке будущей Канкунской ГЭС промелькнули как несколько ярких дней.

Сегодня наш очередной маршрут: вверх по бурному ручью Курунг-Хоонку. На карте указан высотный репер примерно в пяти километрах от устья, который Юра и собирается включить в сеть геодезического обоснования. Идём все четверо, да ещё увязалась с нами собака гидролога Нюрка. Попытались её прогнать, но безуспешно.

Преодолевали эти пять километров мы целых три часа. И было на непростом маршруте всё: густой кустарник-ивняк по террасе, кипящее пеной мелководье под обрывистым берегом, высокие скалы, круто обрывающиеся в глубину. Маршрут явно не для собаки, но Нюрка так и не повернула назад, а вместе с нами карабкалась по камням, преодолевала водный поток, поднималась по крутым склонам. Несколько раз я даже думал, что она сорвётся и скатится вниз, но Нюрка всё выдержала. Что и говорить, настоящая изыскательская собака!

Потом долго кружили по террасе в предполагаемом районе закладки. Репер искали на скалах и в выступающих камнях — всё безрезультатно. Пока я не обратил внимание на замшелый и трухлявый сруб из брёвен, размером примерно два на два метра. Разгрёб слой мха посередине... Так вот он, искомый центр! Непонятен только смысл закладки якоря в мерзлоту и сруб с «термослоем» изо мха, когда рядышком возвышается монолитная скала. Это объяснимо на равнинной местности, но здесь... Не иначе, производители работ включили в смету дорогостоящую закладку, чтобы подзаработать. Ведь расценка на грунтовый репер в районе мерзлоты, по сравнению со скальным, просто несравнима.

На обратном пути азартным взглядом рыболова оцениваю многочисленные ямы под скалами и водовороты за большими камнями. Наверняка в них жируют многочисленные хариусы — мечта любого рыболова. Сколько их можно здесь надёргать на мушку-обманку! Но, опять же, придётся тащиться сюда с удочкой... Проще, а главное, намного безопасней рыбачить в устьях ручьёв, впадающих в Тимптон. Если, конечно, будет на это время. Пока же его попросту не хватало.

В небольшом ельнике наткнулись на грибы-боровики. Поистине сказочный вид: над головой лапы голубых елей, а под ногами крепкие, как на подбор, коричневатые шляпки на толстых белых ножках. Мы с Юрой застанем такие ещё по приезду в таёжную Майну, а вот горожанин Виталий ринулся собирать. И набрал-таки, с нашей

помощью, конечно, приличный по объёму полиэтиленовый пакет.

Утром в балке густой грибной аромат: над печкой сохнут наанизанные на проволоку грибы. Это Виталий готовит таёжный презент для своих друзей в Санкт-Петербурге.

Из работ остались необъёмные, и к тому же все поблизости от лагеря. Так что утром Юра с Виталием отплыли вниз по течению, где, в соответствии с новым заданием, предполагается заложить и отнаблюдать две дополнительные точки, а я с Колей — это уже по просьбе гидролога — буду связывать нивелировкой два расположенных в паре километров друг от друга водомерных поста. Рейка и нивелир у гидролога нашлись, но в таком ущербном состоянии — просто ужас! Геодезист на его месте со стыда бы сгорел. И я часа полтора занимаюсь ремонтом и поверками, а потом ещё с полчаса объясняю смысл предстоящей работы Коле. Тоже, скажу вам, непросто, недаром техников-геодезистов готовят месяцами, не говоря уже о пятилетнем обучении инженеров. Закончив работу, снова натыкаемся на россыпь боровиков и опять набираем целый пакет — это для Виталия.

Уже который день в нетерпении подгоняю время — жду вечера, чтобы засесть за ноутбук. Я его и брал-то его конкретно для работы над повестью, но в первые дни на Тимптоне никак не мог настроиться на творческую волну. Да что там дни — до этого были недели и месяцы в Майне, когда совсем не писалось! Это только кажется, что включил компьютер, нащупал клавиатуру — и пошло-поехало... А ведь я и на пенсию-то ушёл для того, чтобы полностью окунуться в литературное творчество, поскольку за время работы руководителем пресс-службы Саяно-Шушенской ГЭС лишь строил планы, делал наброски. Единственное, это довлёл «до ума» и книжного издательства ранее написанные рассказы и повести. А ведь до этого, в экспедициях, так хорошо и легко писалось! Параллельно с написанием повестей и рассказов начал тогда выстраивать даже сюжет большого исторического романа-эпопеи. Но, как оказалось, пенсия — это не панацея: за время работы в пресс-службе журналистские штампы выхолостили литературный язык, и куда-то улетучился «писательский угар». И оставалась единственная надежда, что возврат в экспедиционный быт вернёт и прежние «философские» размышления, и краски в описании природы, людских характеров... Однако полной уверенности всё равно не было, потому-то, кроме флешки с набранным романом, прихватил на Тимптон и бумажную рукопись фантастической повести «Безбилетник». Написана она была давным-давно, ещё в самом начале моего «писательства», поэтому требовалась серьёзная доработки. Почему именно её? Да просто жанр фантастики менее требователен, чем

жанр исторической прозы, требующий огромного количества справочного материала... И вот долго отсутствовавшая Муза наконец-то нашла меня посреди тайги и стала нащёптывать нужные слова, мимоходом подсказывать точные фразы, навевать во сне яркие образы и сюжетные повороты. За эти дни в повесть я погрузился достаточно глубоко, а далее, надеюсь, начнёт писаться и роман. Теперь главное — это не останавливаться!

С утра отправились с Юрой по Тимптону — искать репер, что в пяти километрах выше устья Курунг-Хоонку. Три года тому назад Юра пытался его отыскать, но безуспешно. Попробуем ещё раз, иначе придётся идти на следующий, который уже в двенадцати километрах. Тогда открывается даже перспектива ночёвки где-то на берегу — для этого случая берём запас продуктов и котелок.

С нами опять увязалась Нюрка, на этот раз ещё и с Умкой. Ручей Курунг-Хоонку в устье совсем обмелел, так что переходим на другой берег в резиновых болотных сапогах. Собакам же приходится плыть, но, как говорится в таких случаях, охота пуще неволи. Пока переобуваюсь в берцы и кладу сапоги на приметный камень, Юра пошёл устанавливать на ранее заложённой марке штатив с приёмником. Возвратившись, с удивлением делится увиденным: буровики уже с утра «косые». Интересно, что они пьют? Ведь вертолёт давно не было, да и вертолётчикам строго-настрого запрещено доставлять «горючее для внутреннего употребления».

До нужного нам поворота реки дошли без проблем: галечниковая коса обнажилась, камни обсохли на солнце, местами они частыми паводками уложены так плотно, что напоминают булыжную мостовую. Правда, солнце их основательно нагрело, поэтому Нюрка то и дело забегает в воду, чтобы остудить лапы. Умка же с самозабвенным лаем гоняет по кустам бурундуков или белок.

На подходе начинаем тщательно обследовать всю береговую полосу, но ни затёсок, ни металлического сторожка с табличкой, ни следов краски нигде не видно. Лишь отпечатавшиеся на песке цепочки медвежьих следов: прошла медведица с медвежонком. По следам видно, как он то и дело скакал вокруг матери — играл, как и все малыши.

Нахожу под берегом надувную резиновую подушку. Надеюсь, что это не свидетель трагедии, а просто водные туристы когда-то потеряли. Пройдя так с полкилометра, спускаюсь к воде, чтобы напиться, — и неожиданно вижу застрявший среди камней тот самый ржавый металлический угольник с приваренной пластиной. Наверняка это сторожок искомого репера, вот только на какое расстояние могла его протащить вода? Прохожу три десятка метров в предполагаемом направлении — и вот он, репер! Заложён по «халтурному» принципу — то есть просто в углубление

на большом валуне. Что же это за халтурщики прокладывали нивелирные ходы высотного обоснования по Тимптону? На марках надпись «УГК» — то есть Государственное управление геодезии и картографии. Ну что ж, везде, даже в столь серьёзной организации, встречаются не слишком ответственные сотрудники.

Из-за большого расстояния, а может, из-за гор между нами и лагерем, связи нет. Такой расклад тоже предусмотрен, и теперь придётся ждать на значенных шестнадцати ноль-ноль, когда Виталий, по предварительной договорённости, включит приёмник сигналов в лагере. В ожидании «часа икс» варим обед на берегу, напротив урочища Четыре Брата. Название наверняка дала характерная четырёхглавая скала на склоне. Где-то там, за гребнем, находится и триангуляционный пункт с таким же названием.

Неожиданно из-за поворота выплывает, как привидение, резиновый катамаран. Кто же это? Неужто первые водные туристы, которых мы видим за всё время командировки? На катамаране двое бородатых мужиков и девчушка — похоже, дочь кого-то из них. Приветственно помахав руками, туристы направляют своё плавсредство в нашу сторону и причаливают рядом с костром.

Знакомимся. Они из Белоруссии, из города Витебска. Старший, Дмитрий Глинка, заводила, в Сибири уже не в первый раз и всюду таскает с собой брата — переводчика с иностранных языков, а также дочь Дарью. Признался, что любит именно дикие места, а не «красивые, но в фантиках». Как и следовало ожидать, оказался противником гидростанций, «которые губят эту самую дикую речную красоту». Ну что ж, из его уст звучит, по крайней мере, достаточно логично. Собираются сплавляться до Курунг-Хоонку, а потом разобрать катамаран — и по тракторной дороге идти до посёлка Канкунский. Если там не найдут транспорта, то пойдут дальше. Отчаянные, однако, люди! Что-то мне не очень верится в наличие людей и транспорта в том далёком посёлке, а пеший переход оттуда до железной дороги займёт немало тяжелейших дней.

Сегодня работаем опять рядом с лагерем: гоним, выражаясь языком геодезистов, по берегу нивелирный ход для привязки временных водомерных постов уже на вынесенных створах будущей плотины. По пути наблюдаем, как возле столовой повараха Любовь Васильевна гоняет венником бурундуков. Они настолько обнаглели, что проскальзывают под москитной сеткой в помещение и беспардонно хозяйничают на кухне. Один даже утащил вилку с намотанной промасленной тряпочкой, которой повараха смазывает сковороды. И даже изгнанные на улицу, далеко не убегают, а рассаживаются поблизости на ведре, на заготовленных чурках дров и даже на собачьих чашках. Что-то не видно

Соболя с Умкой и Чапой, которые быстро загнали бы воришек на ближайшие деревья.

После обеда всей командой отправляемся на лодке выносить оси двух новых, добавленных проектировщиками створов плотины. Пеньки спиленных у воды деревьев оформляем как реперы и затёсками отмечаем направление просек, которые потом будут прорублены вверх. Какое-никакое, а разнообразие — смена привычной деятельности для нас. Рубить настоящие просеки, по которым будут таскать буровое оборудование, — это уже задача местных рабочих.

А вечером в гости пришли вчерашние белорусские знакомцы-туристы. Напоили их кофе, к которому они приложили две белорусских шоколадки «Мишка на поляне» — из тамошней серии «Забывтый вкус детства». Где только, оказывается, они не побывали, по какой глухости не лазали. Прямо не туристы, а мазохисты какие-то! Но, если вдуматься, каждый сам выбирает, каким образом повисить уровень адреналина в крови. В знак уважения подарил им недавно изданную книжку стихов замечательной землячки-поэта Нади Герман. Ничего, что с посвящением мне, — надеюсь, после моего возвращения она ещё одну подарит.

Учитывая, что на днях прилетит вертолёт, надумали попытаться пристроить на него белорусов, а то ведь придётся им тащиться десятки, если не сотни, километров с тяжеленными рюкзаками. Как представили это, самим неудобно стало. Да и у них после нашего предложения нет прежней решимости осуществлять ранее намеченное.

С утра опять дождь — как же он надоел! Но, словно услышав наши проклятия, к обеду неожиданно выглянуло солнышко. Подождав, пока немного обсохнет трава, направляемся на новые створы, ведь нужно закрепить на них ещё и верхние точки.

Юра с противоположного берега корректирует меня по рации. Вот она, наконец, точка, где будет гребень плотины! Срубаю дерево и оформляю пенёк в форме репера. Рядом пишу на затёске масляной краской «Створ бет. пл.» — то есть «Створ бетонной плотины». Вот так и я вношу очередной свой штрих в будущее строительство! Потом спускаюсь вниз по склону, чтобы закрепить на линии створа ещё пару реперов. А то ещё отклонятся буровики и помянут нас потом недобрым словом! Слышу, как Юра разговаривает по рации с ребятами — они на соседнем створе предполагаемой насыпной плотины. А завтра всё в точности повторится, только уже на противоположном берегу.

Вечером снова в гостях белорусы. Сообщаем, что начальник экспедиции по фамилии Перехода по рации категорически запретил брать чужаков на борт вертолёта. Мол, как бы чего не вышло, а отвечать придётся ему. С одной стороны, его можно понять, а с другой, жалко белорусов!

Успокаиваем, что созвонимся по спутниковому телефону с Санкт-Петербургом и, учитывая старые производственные связи, надеемся, что удастся договориться.

Утром глянул в календарь — началась уже третья декада июля. Вертолёт пообещали на завтра, так что с утра едем работать: как и намечали, занимаемся другим берегом. Как-то незаметно втянулся в здешние физические нагрузки, от которых за последние годы попросту отвык. Теперь крутые подъёмы уже не особо напрягают, поэтому всё больше деталей замечаю вокруг. То, как в лесу пахнет грибами, как часто встречается кустики спелой голубики. Теперь это уже не изнурительный подъём, а приятная прогулка с таёжными лакомствами на всём маршруте. И хочется побольше впитать впечатлений, тем более что пребывание здесь неуклонно близится к концу. Если, конечно, проектировщики не придумают ещё чего-нибудь... Вспомнилось даже, как геолог Ирина, увидев нас с Юрой, выбирающихся из вертолёта в первый день, произнесла с досадой: «Да что они, помоложе никого не нашли?» А вот вчера в столовой, оценив проделанную нами работу, опять не удержалась: «Ну, вы монстры!» Свообразный, конечно, но, как я понимаю, комплимент.

Вертолёт наконец-то прилетел. И даже взял на борт совсем было приунывших туристов. На радостях Дмитрий поклялся в дальнейшем поддерживать с нами постоянную связь через Интернет. Хочется верить, но чего только не обещают люди в подобных случаях! Для нас же главное, что вертолётчики не привезли никаких новых заданий, так что срок окончания нашей командировки достаточно конкретен.

Прилетела новая смена буровиков и рабочих — и вечером народ в лагере гулял «по-чёрному». Да, на временные работы в экспедицию контингент устраивается, как правило, соответствующий: бывшие интеллигентные люди, или попросту «бичи». Правда, наслышан, что название произошло от какого-то иностранного слова, но во всех экспедициях его понимают именно так. Поразмыслив, мы даже в столовую не пошли, а сварили уху из попавших в сеть налима, хариуса и крупного ерша. Такая вот настоящая тройная уха. И даже решили распечатать сохраняемую на прощальный вечер бутылку водки, которую привёз с собой Виталий. Гулять так гулять — мы ведь тоже не «рыжие», а нормальные мужики!

Электричество в лагере электрики отключили на этот раз уже после полуночи. Но спокойно поспать нам не удалось — истощно залаяли Соболя с Умкой. Утром выяснилось, что в лагерь, к столовой, приходили два молодых медведя-пестуна. Побродили возле столовой, раскидали пустые коробки — и, не найдя ничего съедобного, удалились восвояси.

После нескольких ясных дней вновь зарядил дождь. Он поливал, не стихая, целые сутки, так что крыша посреди балка протекла, и по полу в сторону кухни побежал ручеек. Дорога до столовой сразу превратилась в рыжее месиво, а трактор-трелёвочник, который вёз доски в лагерь гидрологов, намертво увяз в разлившемся крохотном ручейке. Видимо, в верховьях дождь был соответствующий, поскольку уровень воды в Тимптоне разом подскочил аж на одиннадцать метров. Ещё вчера не впечатляющая мощью река теперь ревела и бесновалась, неся древесный мусор и вырванные с корнем деревья. Так что даже сомневающимся стало понятно: несколько таких дождевых паводков вполне способны заполнить будущее узкое водохранилище глубиной в две сотни метров.

Мутная вода разом скрыла все косы и прибрежные кусты, подступила к кромке обрывов, к деревьям. Ясно, что старательно расставленным нами понизу вехам пришёл «кырдык» — так выражались коллеги в моей первой, казахстанской, экспедиции. Вода подошла к самой бане, и теперь не нужно включать насос, а воду можно черпать прямо возле крыльца. Вот только одно плохо: она коричневого цвета и с мелким песком. Со стороны гидроствора доносятся громкие хлопки, напоминающие выстрелы, источник которых я определил не сразу. А это, оказывается, течение натягивает перекинутый с берега на берег стальной трос, и он, периодически выпрыгивая, оглушительно бьёт по воде. Да, на стихию воды можно смотреть бесконечно, она кого угодно впечатлит!

Серое небо опустилось совсем низко, и горы как будто тоже стали значительно ниже. Создаётся ощущение, что тучи висят всего-то в сотне метров над головой. Такая погода действует на настроение, причём разлагающе — ничего не хочется делать, дайте писать. А ведь последнее время именно дожди располагали к литературной работе: заведёшь генератор и под звук дождя весь день набираешь на клавиатуре ноутбука страницу за страницей. Юра такие дни посвящает обработке измерений и периодическому переуровниванию создаваемой сети. А Виталий с Колей молча читают книги из местной «библиотеки», стараясь меня не отвлекать. Как можно убедиться, писательский труд иногда вызывает-таки уважение у окружающих!

Геолог Ирина попросила привязать скважины на месторождении песка за Курунг-Хоонку. Точно не знаю, входило ли это в программу наших работ, но здесь, на Тимптоне, она начальник, а мы подчинённые. Тамошние буровики живут за ручьём постоянно и в лагере практически не появляются. Во всяком случае, я их здесь не встречал, изредка можно увидеть лишь геолога Ольгу. Она питерка и, видимо по тамошней моде, частично, насколько можно видеть, покрыта татуировками. Такой экстравагантной женской моды я, честно говоря,

не понимаю, хотя и приемлю. Каждая женщина старается обратить на себя внимание в меру возможностей и фантазии.

Вода в Курунг-Хоонку остаётся светлой и в самом устье не смешивается с мутной водой Тимптона: чётко просматривается граница двух водных стихий. А по всей пойме вдоль Тимптона манит множество голубых кустиков спелой голубики. На песке у воды встретились следы медвежонка, но почему-то рядом нет следов мамы-медведицы. Должно быть, пасётся на ягоднике. Не дай Бог столкнуться с ней нос к носу!

Ближе к вечеру, неожиданно для всех, прилетел внеплановый вертолёт. Как оказалось, его арендовала какая-то фирма под названием «Меридиан». На борту трое томских геодезистов с такой же, как у нас, спутниковой системой. Откровенно обрадовались, узнав, какую работу мы здесь уже проделали, и рассчитывают получить материалы измерений через Санкт-Петербург. Ну, это их проблемы, нас не касающиеся! А вскоре проплыли мимо два катера на воздушной подушке — то ли биологи, то ли экологи. Как выяснилось, берут пробы воды по всему Тимптону. Что-то зачастили на Тимптон к концу сезона природозащитники и разные прочие специалисты!

По заданию — теперь уже главного геолога Ирины — нужно вынести около шестидесяти скважин на новых створах. Снимаем их координаты с карты-задания и вводим в навигаторы. Это могли бы сделать и сами буровики, но у нас и навигаторы посерьёзней, и время выноса можем подгадать с максимумом спутников над каньоном, да и квалификация у нас, мягко говоря, повыше.

С утра моросит дождь, но всё равно плывём на створы. Просто в памяти предыдущие затяжные дожди и то, что сегодня последний день июля. Не дай Бог, в ближайшие дни погода будет ещё хуже, как это уже не раз бывало! Юра с Виталием высаживаются на левом берегу, а я с Колей — на правом. Мне скважин выносить поменьше, но зато они разбросаны. Поднимаемся вверх вдоль створа предполагаемой бетонной плотины, устанавливаем вехи на месте будущих скважин и пишем их нумерацию на загёсках. С кустов постоянно стекают на одежду изрядные порции влаги, так что приходится беречь от неё и навигатор, и рацию. А вот мошкаре дождь ничпочём, лезут в рот и в нос, кушают все открытые участки тела — оба ежеминутно кашляем или чихаем, сморкаемся или отплёвываемся. Даже по рации говорить проблемно, ибо верхняя губа стала «деревянной» от постоянных укусов.

До обеда вынесли и закрепили сторожками примерно половину скважин. Несмотря на усиливающийся дождь, решили сегодня продолжить начатое, ведь никто не знает, сколько дней будет длиться такая погода. Так что после плотного обеда

натягиваю, поёживаясь, сырой противозенцефалитный костюм и резиновые сапоги вместо набухших влягой, потяжелевших берцов. Радует перспектива, что вечером переоденусь во всё сухое, согреться чаем возле тёплой печки и засяду за повесть. После таких вот физических и климатических испытаний пишется, как правило, особенно хорошо. Может, потому что начинаешь сильнее любить жизнь?

Утром окружающий пейзаж представляет собой всё ту же безрадостную картину: моросит дождь, над самыми головами висит туман. Он словно бы зацепился за берега, и под плотной пеленой — притихший Тимптон, а над пеленой — словно бы обрезанные вершины гор. Более прозрачный слой тумана расположился вокруг, за ближайшими лиственницами, словно бы раздвигая, пора выползть из укрытия или ещё нет. Его, как дикого зверя, пугают, может быть, дымящие трубы балков или поникшие красные флажки на углах вертолётной площадки? А ещё застрявший и как бы пригорюнившийся ярко-красный трелёвщик? Похоже, трактор расположился там надолго — рядом с несколькими недавно установленными, ещё не обжитыми и не потемневшими десятиместными палатками, за которыми теперь не разглядеть серую крышу жилища гидрологов. И унылый пейзаж этот абсолютно безлюден. Хотя и в хорошую-то погоду людей в лагере можно увидеть только на встрече вертолёта да во время работы столовой. Собак и то повстречаешь чаще.

Кстати, собак в лагере скоро будет пять — сучка Чапа оценилась. Решено оставить одного чёрного мордастого щенка, для которого заботливая мамаша уже вырыла глубокую нору в песке возле столовой.

К ужину совсем похолодало, даже привычных бурндуков-воришек и сеноставок-шадиков не видно. Неужели и в самом деле уже начало якутской осени?

А утром наконец-то закончил многострадальную повесть «Безбилетник». Конечно же, дома ещё предстоит правка, но это уже мелкие мелочи. Думаю, что за несколько дней в комфортной обстановке подготовлю её к публикации — и сразу же засяду за роман. Скорей бы уж! Геодезические работы полностью завершены, осталось только дожидаться вертолёта. Понемногу пакуем личные вещи. Юра со смехом показывает надпись на мониторе теодолита: «Батарей сдох». Такая надпись говорит либо о «хорошем» знании русского языка японскими изготовителями, либо об их чувстве юмора. Будем всё-таки надеяться на второе. Правда, несмотря на пугающие слова, заряжать аккумулятор уже нет смысла.

Когда делать нечего, по закону подлости устанавливается такая нужная прежде солнечная погода. Вертолёт за нами должен прилететь лишь завтра, поэтому, чтобы занять время, я решил

постирать кое-какую одежду в Тимптоне. Не талкивать же грязную в рюкзаке! Спускаюсь с обрывистого берега к воде — и натыкаюсь на совсем свежие медвежьи следы. Прошёл медвежонок, причём опять почему-то один. Уж не случилось ли чего с его мамашей?

Мы собрались в обратный путь и морально, и материально, то есть всё разложили по рюкзакам, сфотографировались по очереди и компанией на крыльце «геодезического» балка, потом на фоне лагеря. И даже решили вечером в столовую не ходить, а сварить «прощальную» уху. В ней всё, что попало в сеть: ленок, хариус, налим, каким-то образом попавший в Тимптон во время паводка карась и четыре ерша. Это уже даже не тройная уха, а из пяти сортов рыбы. Когда ещё придётся поесть такой ущицы в хорошей компании?

Долгожданный вертолёт так и не прилетел. Как выяснилось, по двум причинам: во-первых, буровики не успели подготовить вертолётную площадку на новом створе, куда надо перетащить оборудование, ну а во-вторых, налетел такой ветер, что о-го-го! Порывом сорвало крышу с дизельной и отнесло на несколько десятков метров. Оттуда пронесли мимо нашего балка очумевшие Умка с Сободем. Соболю с разбега нырнул под вагончик геологов, а Умка промчалась дальше. Как оказалась, примчалась в лагерь буровиков, переплыв даже Курунг-Хоонку. И только Чапа, должно быть, отсиживалась в своей норе. Надеюсь, что это не мы так разозлили здешнего Духа ветра, а те, кто обслуживает дизельную.

Прощание с Тимптоном

А в последнюю ночь накануне нашего отлёта плотный туман снова подкрался вплотную к «геодезическому» балку. Будто что-то живое и донельзя любопытное вслушивалось в наши разговоры, пытаясь выяснить: зачем два с половиной месяца тому назад прилетели на вертолёте эти люди, зачем лазали они по всем окружающим горам со своими непонятными приборами, и что они замышляют на будущее — доброе или злое? А может, туман просто захотел попрощаться с нами, как со старыми добрыми друзьями?..

Наконец-то мы дождались вертолёта. Он доставил неких экологов, которых необходимо срочно забросить на плато. Но сначала вертолётчики, как и предполагалось, приземлились в нашем лагере, чтобы выяснить судьбу своих спальных мешков. Причём обошлось без ожидаемых отрицательных эмоций, поскольку так и осталось неясным, кто же их в суматохе выгрузил. Поэтому мы с Юрой летим с ними, чтобы заодно забрать и все оставленные нами вещи.

Обжитая нами площадка экологов вполне устроила, поэтому великодушно оставляем им

стол, стулья и кое-что из посуды. А заодно и ящик с оставшимися «долгоиграющими» продуктами. Нам для них ничего не жалко!

Прибывшие перетаскивают свои пожитки, а мы с Юрой, спешно побросав в вертолёт свои, наблюдаем за происходящим через иллюминаторы. Пока прибывшие таскали многочисленные вещи от вертолёта и складывали в кучу, возле неё сидел на тюке интеллигентного вида старичок в очках, в резиновых сапогах и в тёплой куртке с накинутым капюшоном. А на лице его была написана такая безысходность и безнадёга, что мы с Юрой, переглянувшись, расхохотались.

В Чульман вылетели уже после обеда, попросившись со всеми и особенно с поварихой, которая столько дней кормила нас своими замечательными в кулинарном отношении блюдами. Откармливала прямо-таки по-домашнему, так что мы с Юрой, несмотря на серьёзные физические нагрузки, даже поправились.

Когда всё позади, невольно начинаешь подытоживать проделанную работу и отрезок прожитой жизни. Все намеченные работы мы закончили в срок, к очередному плановому прилёту вертолёта. Трудно ли было? И да, и нет! Как признался Юра, с годами рюкзак становится всё тяжелее, а горы всё выше. Но ведь выше становится и ответственность за природу, за качество выполненных работ. Конечно, первые дни было тяжело физически, но потом втянулись, и стало как всегда — как и прежде. Через какое-то время трудности забудутся, а останется в памяти ощущение, что было интересно работать, что природа была необычной и целительной и что мы прошли этот участок жизненного пути достойно...

Пейзаж за иллюминатором теперь воспринимается уже как-то по-другому. Здешняя природа стала мне ближе, что ли? Вверх по течению Тимптона окружающие горы выполаживаются, порогов становится меньше. Ох и рыбы тут должно быть! Ведь на участке нашего лагеря она пополнялась только после очередного паводка, а между ними путь рыбе преграждали мелководные пороги.

Но эти эмоции уже не имеют никакого отношения к прошедшей командировке!

Внизу сменяют друг друга большие серые пятна курумников и зелень низин в окружении листовенниц. Потом начались как бы искусственно спланированные и выровненные откосы из мелких камней, обрамляющие «корыто» речной поймы с извилистыми меандрами реки. А потом пошла равнина, иссечённая пересекающимися «дорогами». И то: один раз проехала машина — появился след, проехала два-три раза — возникли две глубоких колеи. А кто тут проезжал: охотники, рыбаки?... Да кто их знает!

Пролетели над группой высотных зданий, в одном из которых гостиница комплексной изыскательской экспедиции номер тринадцать, где мы ждали вертолёта два с лишним месяца тому назад. Потом внизу возникли разом полуразломанные самолёты, ржавый дорожный и строительный транспорт, какое-то непонятного назначения железя. А вот наконец-то и бетонная взлётная полоса старого аэродрома.

Нас ожидает машина-вахтовка, чтобы отвезти в Чульман. Несмотря на многоэтажные высотки, когда-то перспективный посёлок умирает. Прежде здесь работал домостроительный комбинат, жили строители БАМа, теперь же, если не начнётся строительство Канкунской ГЭС, у него нет абсолютно никаких перспектив развития. Значит, есть надежда, что мы с Юрой сыграли и в его будущем далеко не последнюю роль.

Потом вахтовка доставляет нас на железнодорожный вокзал Нерюнгри. Мы ожидаем поезд на Сковородино. Утром будем там — чтобы дожидаться поезда на Красноярск. А оттуда десятого августа поедем на междугородном автобусе в давно ставший своим Саяногорск. Какие, оказывается, приятные по своему звучанию названия родных населённых пунктов! Но всё это уже не имеет никакого отношения к Тимптону и к экспедиции, напомнившей мне о прежней жизни. О такой непростой и вместе с тем такой незабываемой изыскательской жизни.